

Ткачук М. Е.

ГЕТИКА, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ. (ИЗ АНТОЛОГИИ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАЗРЫВОВ)

Историки присоединяют к этим рассказам об изменениях сообщения о переменах, происшедших в результате переселений, чтобы отучить нас излишне «изумляться».

Страбон. «География».

*Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир, разумный и жестокий, -
Был обречен природой на распад.*

Максимилиан Волошин.

«Путями Каина. Трагедия материальной культуры».

*Что-то начинается, чтобы прийти к концу:
приключение не терпит длительности: его смысл — в его гибели.*

Жан-Поль Сартр. «Тошнота».

Tkachuk M.E. Getica that we have lost. (From the anthology of chronological breaks).

The goal of the article is to give the arguments of apocryphality and groundlessness of the autochthonous ideology of the cultural development of Moldova that is dominant today. In the suggested reconstruction for the autochthonous versions of the development of the Getian culture there is no room. There is noticed a rather precise coincidence of the information from written and material records. The main territory of formation process of historical Getians of the early VI-V c. B.C. is to the south of Danube in the region of Dobrudja. The first monuments of the Getian culture appeared to the North of Danube not before the end of the VI c. B.C. while the mass settlement of the Carpathian-Dniester lands takes place in the end of the V c. B.C. Somewhere in the middle of the III c. B.C. the Carpathian-Dniester Getica is dying. A part of Getians is leaving under the pression of Scyro-Galatians in the Low Dnieper area and the Crimea, the other part is leaving to the West. That is why Dacians are really "descendents of Getians" or "young branch" of the Carpathian-Dniester Getians. They are coming, they are migrating to Transilvania in the end of the First Quarter of the II c. B.C. and not continue to live there from the Age of Bronze.

Цель данной статьи — представить аргументы недостоверности и необоснованности господствующей ныне автохтонной идеологии культурного развития в Молдове.

То, что это именно *идеология*, а не какая-нибудь там версия или гипотеза, сомнений не возникает. Во-первых, назвать этот взгляд на культурное развитие версией было бы оскорбительно для его сторонников. Версия — всегда нечто сослагательное, допускающее иной вариант реконструкции. Ясно, что в данном случае никаких таких иных вариантов сторонниками этой идеи не предполагается. Во-вторых, автохтонная идея применительно к Мол-

дове выступает таким национально-ориентированным монолитом, с абсолютно прозрачным политическим подтекстом. Ей отведена решающая роль в формировании современной национальной идентичности. Она стала неотъемлемой частью школьных программ, за ее незнание ставят в учебных заведениях отрицательные оценки. И потому это именно идеология.

Отрицательные оценки ставят и за незнание таблицы умножения. Но культурогенез — не таблица умножения, а вещь куда более сложная и не столь однозначная. Тем не менее, сделано все для того, чтобы эта форма знания воспри-

нималась максимально легко и быстро. Она избавлена от «избыточной» этно-культурной информации (присущей любой истории), доведена до совершенства отсечениями всего лишнего и предложена для проглатывания без особого интеллектуального напряжения. И, правда, наш автохтонизм несложен в усвоении. Он состоит из двух простых частей: фрако-гето-дакийской и дако-романской. Части плавно перетекают одна в другую, несмотря на назойливые и досадные помехи в облике пронсящихся мимо мигрантов-чужеродцев.

Такое упрощение, безусловно, в чем-то облегчает задачи потенциальных критиков автохтонизма, хотя и усложняет им жизнь. С другой стороны, не все так просто. Далеко не всегда в подобных рецидивах автохтонизма мы сталкиваемся с идеологической конъюнктурой, как *причиной*. Если мы окинем взором «фрако-гето-дакийскую» историографию, то ее поразительный концептуальный консерватизм и верность принципам континуитета (осознанную или неосознанную) сами по себе могут рассматриваться в качестве источников появления не только автохтонной идеологии, но и современных моделей этнической идентичности. Более того, полное отсутствие критики этой версии автохтонизма указывает на то, что она негласно принята научным сообществом. По частям, по фрагментам она, конечно же, оспаривается, но обычно с позиций каких-либо соседних вариантов континуитета. Иногда кажется, что фрако-балканский автохтонизм оказывается некоей комфортной отдушницей даже для самых непримиримых миграционистов. Здесь, среди карпатских планин, «отдыхает» их логика и аргументация. Для них так называемое «местное население» тоже уже стало стабильной и неподвижной деталью интерьера Карпато-Балканского региона чуть ли не для всех археологических эпох, удобной интерпретационной «затычкой». Примерно такой же, как пронсящиеся бездомные мигранты для автохтонистов. Складывается впечатление, что под гипнотическими чарами фрако-балканской фольклорной непрерывности умолкает любая трезвая научная критика, что именно здесь она готова признать фактографическую обоснованность автохтонной идеологии, абсолютную адекватность этой идеологии культурному наследию. Именно здесь научная критика почему-то заражается архаическими мотивами «вечного возвращения», изменяет своим принципам и традициям. *Ее общий, не высказанный ни разу вывод: фрако-дако-романский автохтонизм уязвим только лишь в деталях и нюансах, в некоторых перелестах, которые всегда легко корректируются, в целом же он не имеет и не может иметь никаких альтернатив.* Повторяю, вывод этот никогда не декларировался в историографии столь однозначно, но никогда не выдвигалось и обратных утверждений. Общее впечат-

ление, складывающееся после знакомства с безбрежным морем фракологической историографии: для нее уже давным-давно все ясно, общая картина существует, нужно лишь внести несколько штришков для вящей полноты и подробности.

Такая *недосказанность и недоказанность*, безусловно, нуждается в каком-то объяснении, выходящим за пределы собственно археологии. Но и без такого объяснения интерпретационная неменяемость историографии кажется вполне достаточным основанием для сомнений. Сомнений в истинности «носящихся в воздухе», всем понятных и логичных реконструкций. Следует преодолеть соблазняющие чары балканской этно-культурной непрерывности и признать: никакой общей и однозначной картины развития культур Карпато-Балканского региона пока нет. Существует лишь набор наукообразных, но мифологических по сути, банальностей. Мы почти ничего не знаем! Именно по этой причине, казалось бы, самая доступная для решения проблема — проблема места и времени появления первых восточно-романских культурных образований остается загадкой, причем загадкой, довольно непростительной для науки, вынужденной решать этногенетические ребусы для эпохи XI-XIII вв. И эта проблема останется в разряде курьезов и загадок до тех пор, пока не начнется демифологизация историографии, пока с новых позиций не будет прослежена вся цепочка культур эпохи железа.

Данная статья посвящена одному из звеньев в этой цепи — так называемой гето-дакийской культуре, соответственно — первому и основному периоду, с которого начинается мерный отсчет на часах континуитета. Хронологические границы этого периода — VI — II вв. до н.э. Именно тогда, при посредничестве античной историографии, были названы основные этно-культурные персонажи региона, и, таким образом, была представлена историзированная фактура для последующих геополитических и национально-государственных соблазнов и ложных форм идентичности.

Несмотря на то, что некоторые современные автохтонисты удревняют начало непрерывного культурного развития в Молдове вплоть до XIV века до н.э. (Niculită 1994: 282). Основным и незыблемым хронологическим плацдармом для них остается период VI-II вв. до н.э. Подобные ретро-экстраполяции не новы. Они уже были опробованы в свое время Б. А. Рыбаковым, углубившимся в проблематику Эпохи средней и поздней Бронзы для доказательства праславянства славянской (?) скифской культуры VI-II вв. до н.э. (критику см.: Ткачук 1991; Клейн 1993). Не новы и «освященность» интервала VI-II вв. до н.э. у автохтонистов всех разновидностей. Первые этнографические наблюдения античных авторов, пришедшие именно на это время, оказались щедрым подарком для всех тех, кто

спустя тысячелетия маялся от отсутствия великих предков.

Предлагаемая реконструкция событий и процессов охватывает четыре столетия. Следовательно, при таком хронологическом охвате она оказывает-

ся достаточно уязвимой для критики. Но для критики она, собственно, и предложена (вариант более полной и систематизированной концепции культурного наследия в Молдове см.: Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkachuk 1995; Ткачук 1996; 1997).

I. Письменные источники

Фрако-гето-дакийская почва приземления молдавского (отчасти румынского и болгарского) автохтонизма подсказана письменными источниками. Но уже письменные источники не дают серьезных оснований для абсолютизации исторической роли какого-либо одного из упомянутых в них этносов. Более того, несмотря на кажущуюся фрагментарность сведений древних авторов, они группируются в достаточно четкие пространственно-временные блоки. То есть упорядочивание всех разрозненных сведений античных авторов о регионе и населяющих его народах дает отнюдь не эклектичную и несуразную картину, а целый ряд тенденций. Подробная реконструкция этих информационных блоков-тенденций уже была мною описана (Тсасиус 1994; Ткачук 1998). Это дает возможность более лаконично повторить основные выводы, не останавливаясь еще раз обстоятельно на их аргументации.

Геты, на период похода Дария против скифов, согласно данным Геродота, *размещаются только южнее низовьев Дуная* («Не доходя до Истра, Дарий сперва покорил гетов...»: IV. 93). «Таковы были верования гетов, когда их покорили персы и они должны были присоединиться к остальному войску в походе. Между тем Дарий с сухопутным войском подошел к Истру» (VI. 97). К северу от Дуная идет область, в которой господствуют скифы. О гетах севернее Истра Геродот ничего не сообщает. Фукидид воспроизводит сходное положение вещей для 30-х годов V века. Геты, по Фукидиду, находясь под властью одрисского царя Ситалка, обитают по южному берегу нижнего течения Истра («по сторону Истра, ближе к Эвксинскому Понту»). Их северными соседями опять оказываются скифы (II. 96). Длительный период от рубежа VI-V вв. до н.э. по 30 гг. IV века до н.э. характеризуется упоминанием к северу от Нижнего Дуная *только скифов* (Геродот, IV. 40, 47, 48, 99; Страбон, VII. 3. 14; Фукидид, II. 96). *Информационное доминирование* скифов для этого времени и для данного региона сомнений не вызывает.

Начиная с 50-х годов IV века этнонимия Южного Подунавья несколько усложняется — появляются *истриане* (Юстин, IX; Оросий, III. IV, 47). За скифо-истрианским конфликтом следует война скифов Атея с новым персонажем для нижнего Подунавья — *трибаллами* (Фронтин, II, 4, 20; Полиэн, IV, 12, 3; VII. 44, 1), оказавшимися к 339 году в устье Истра. На это же время приходится конфликт Атея и Филиппа Маке-

донского, завершившийся поражением скифов и последующим поражением Филиппа в столкновении с трибаллами (Юстин, IX, 3, 1-3). В этот период скифы неоднократно вторгаются на правобережье Дуная, доходя до Византия (Аристокрит, I. 4).

Трибаллы. Основная фигура умолчания в региональной истории. Из противоречивых данных о трибаллах ясно только одно. К середине IV века до н.э. они контролируют правобережье Нижнего Подунавья, а на период похода Александра Македонского в их владения входят и области за Дунаем, то есть левобережье Нижнего Дуная.

Впервые геты упоминаются на левом берегу Дуная спустя четыре года после скифо-македонского конфликта, то есть в 335 году, на который приходится поход Александра Македонского к Дунаю. Согласно Страбону и Арриану, пересказывающим мемуары непосредственного участника событий Птолемея Лага, трибаллы обитают в Нижнем Подунавье, вплоть до острова Певка (Арриан, 1, 2-4; Страбон, VII, 3, 8), а область их господства включает и территории за Истром, заселенные гетами (Страбон, VII, 3, 8). Александр подчиняет трибаллов, переправляется через Истр и захватывает город гетов, находящийся поблизости (Страбон, VII, 3, 8; Арриан, 1, 4, 1-5), вынуждая его обитателей уйти в пустынные степи (Арриан, 1, 4, 1-5). Упоминание о пустынных степях, в которые устремились побежденные геты, можно соотносить с «гетской пустыней» Страбона, ровным и безводным пространством, лежащим «между гетами и Понтийским морем, от Истра по направлению к Тире» (VII, 3, 14). Как и во время экспедиции Александра против трибаллов, на период похода Зопириона геты оказываются, наряду со скифами, хозяевами левобережья Дуная (Курций Руф, X, 1, 44; Юстин, II, 3, 4; XII, 1, 4; XII, 2, 16; Оросий, III, 18, 14). Кампания Лисимаха, бесславно закончившаяся его пленением, сводится исключительно к столкновениям на северном берегу Дуная с одним противником — с гетами Дромихета (Страбон, VII, 3, 14; 3, 8; Диодор, XXI, 12, 1-6). Локализуется конфликт Страбоном в «гетской пустыне», то есть опять к северу от Истра. Надежно датированная информация обрывается этими событиями. Далее следуют с трудом поддающиеся датировке упоминания Страбона о фракийцах и гетах, вытесняемых скифами, бастарнами и савроматами (VII, 3, 13). Еще одно письменное упоминание о гетах и трибал-

лах принадлежит Аппиану. Он писал, что скордиски и трибаллы так истощили друг друга войнами, что если что-либо и осталось от трибаллов, то они бежали за Истр к гетам, и племя, процветавшее до Филиппа и Александра, является теперь угасшим (X, I, 3). Это упоминание не поддается четкой датировке.

Таким образом, периоду от похода Александра Македонского против трибаллов (335 г. до н.э.) до времени переселения за Тиру и Истр скифов (Страбон VII, 4, 5), датированного приблизительно III веком до н.э. (Ростовцев 1925), уже соответствует иная ситуация. Гетам к северу от Нижнего Дуная отводится роль не меньшая, чем скифам. На этот период приходится информационный пик о скифах и гетах левобережья. Но этим интервалом он, собственно, и завершается.

К последним десятилетиям III века до н.э. следует отнести начало упоминаний в источниках совершенно нового для Нижнего Подунавья народа — бастарнов. Самое раннее их упоминание, как бастарнов-«пришельцев» относится к 216 году до н.э. Упоминает их впервые Деметрий из Каллатиса, информация которого до нас дошла через Псевдо-Скимна (Пс.Скимн 797). Труд Деметрия входил в круг источников Страбона (ссылка на Деметрия у Страбона: I, 3, 20; см. также: Грацианская 1988: 91), поэтому вполне вероятно, что информация о гетах, вытесняемых бастарнами, о бастарнах, переселяющихся во Фракию, относится именно к событиям этой поры, то есть до 216 года (см.: Латышев 1993: 299/213).

В определенном смысле коррелирует с этим упоминанием о бастарнах, вытесняющих гетов, пассаж из Помпей Трога (сходный страбонскому VII, 3, 13), дошедший до нас в сокращенной версии Юстина, о поражении даков, потомков гетов (или же «молодой ветви гетов»), возглавляемых Оролом в войне с бастарнами (Юстин XXXII, 3, 16). Помпей Трог в пересказе Юстина так излагает суть происшедших изменений: «Даки же потомки гетов. Когда они при царе Ороле несчастливо сражались с бастарнами, царь в наказание за трусость заставил их, ложась спать, класть голову на то место, куда обычно кладут ноги, и прислуживать своим женам так, как до того им прислуживали жены. И это было отменено не раньше, чем они доблестью смыли бесчестие» (XXXII. 3. 16).

Что это за экстравагантное наказание, которому подверг своих подданных Орол? Следует ли понимать его буквально, или мы должны видеть в этом фрагменте некий свернутый инсказательный конструкт?

Большинство исследователей, обращавшихся прямо или косвенно к интерпретации фрагмента «о наказании», к которому приговорил даков Орол, видят в нем исторический анекдот (Crişan 1977; Daicoviciu 1972; Russu 1947: 137) В действительности же конструкция этого упо-

минания несет в себе отпечаток какого-то грандиозного события. Положить голову на место ног и прислуживать своим женам — означает перевернуть ценностную систему вверх ногами, поменять местами «верх» и «низ». Такая аксиологическая катастрофа не может быть простым отражением военного поражения, за ней должен скрываться иной, более глубокий план содержания.

Датируют это событие достаточно умозрительно временем около 200 года до н.э. (Daicoviciu 1969: 128), или II веком до н.э. (Никулицэ 1987: 231). Варианты локализации событий: северные районы Молдовы (Никулицэ 1987: 231) или внутрикарпатский регион (Daicoviciu 1969: 128-129).

Сам по себе пассаж этот чрезвычайно любопытен не только тем, что в нем упоминается конфликт потомков гетов с бастарнами, но и потому, что в нем впервые упоминается народ даков. Не выходя за круг письменных свидетельств, попробуем продатировать это упоминание, учитывая, конечно, тот факт, что мы имеем дело не с полным текстом, а с его сокращенным вариантом.

Упоминание о несчастной войне даков Орола с бастарнами помещено в очень интересный контекст. Его смысловой осью является война Филиппа и Персея, царей Македонии, с Римом. Краткому пересказу войны бастарнов и даков предшествует подробное повествование об интригах Персея против своего отца Филиппа, о кельтах-скордисках, которых Филипп склонил вступить с ним в союз. Сразу после перипетий дако-бастарнского конфликта следует: «Итак, когда Персей наследовал власть отца Филиппа, он стал склонять все эти племена к военному союзу против римлян» (Юстин XXXII, 4, 1).

Трудно избежать соблазна и не сопоставить эти данные с другим источником о бастарнах. Тит Ливий ничего не говорит о возможном союзе даков и Персея, но подробно излагает обстоятельства попыток Филиппа и Персея заручиться военной помощью бастарнов (XL, 5, 10; XXXIX, 35, 4; XLIV. 26, 2-7). Первый раз они упоминаются в тексте как «приистрийские варвары» (XXX, 35, 4), к которым Филипп посылает послов, чтобы склонить их к вторжению в Италию. В результате «возвратились люди, которых царь посылал к бастарнам за помощью, и они привели с собою оттуда знатных юношей, некоторых даже царского рода, и один из них обещал свою сестру в жены сыну Филиппа. Союз с этим народом вдохнул в царя уверенность» (XL, 5, 10) И вот бастарны, «давно побуждаемые к войне, оставив свои жилища, огромным полчищем пехоты и конницы переправилось через Истр» (XL, 57, 2), но смерть Филиппа и сокрушительное поражение от фракийцев в битве у горы Донука (предположительно гора Рила в Болгарии) изменили весь ход событий. Часть

бастарнов решила вернуться к городам Аполлонии и Месембрии, «откуда и вышли» (XL, 58, 8), другая часть бастарнов — «около 30 тысяч человек, предводимые Клондиком», пошли вперед. События эти относятся к 179 г. до н.э. (Щукин 1993: 91). Ушли бастарны, судя по всему, в Дарданию, располагавшуюся на территории современной Сербии (XL, 58, 7).

Следующий поход бастарнов в 175 г. до н.э. (Орозий IV: 20, 34) опять сорвался из-за неудачного форсирования Истра.

И вот, когда в 168 г. до н.э. Персей в очередной раз «стал склонять все эти племена к военному союзу против римлян», появились некие галлы, «бродившие по Иллирии», возглавляемые Клондиком. Пришло их около десяти тысяч всадников и столько же пехотинцев (XLIV, 26, 2-13). Но что интересно — теперь Клондик назван «галльским царьком», а все его воинство ни разу не упомянуто как бастарнское, что, впрочем, не мешает видеть в Клондике того самого предводителя бастарнов, который за одиннадцать лет до этого уже появлялся в пределах Македонии (Щукин 1993: 91). «Договор с галлами был такой: по прибытии каждый конный получал десять золотых, пеший пять, а вождь тысячу» (XLIV, 26, 4). Персей договор нарушил, пытаясь уплатить не золотом, а дарами военачальникам — конями, конскими уборами, плащами. Клондик потребовал выплаты по договору. Персей через своего парламентаря Антигона передал, что ему нужно всего пять тысяч всадников, а остальных он не держит. Узнав, что Персей не собирается немедленно расплатиться золотом хотя бы с пятью тысячами всадников, галлы «воротились к Истру, опустошив по пути придорожные области Фракии» (XLIV, 27, 3).

Интересно то, что галлы воротились к Истру, после того как бродили по Иллирии, судя по всему, достаточно долго (может быть, со 179 г.?). Настолько долго, что Клондик стал именоваться «галльским царьком», а его многочисленные сподвижники — галлами. Кроме кельтов-скордисков, в регионе Среднего Подунавья Страбону была известна область кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, а также области, заселенные бойями и таврисками, частично уничтоженными и вытесненными со своих земель во времена Буребисты (VII, 3, 11). Где-то в этих западно-балканских и среднедунайских областях и провел время Клондик. Именно к этим областям и примыкает территория, заселенная, согласно Страбону, даками: «Но существует и другое деление Гетской земли, остающееся с древних времен: одну часть этого племени называют даками, другую — гетами. Гетами называют тех, которые живут у Понта в восточной части страны, а даками — тех, которые живут в противоположной части, со стороны Германи и истоков Истра» (VII, 3, 12).

О том, что Клондик мог провести время как раз в этих пограничных областях и подчинить

себе не только галлов, но и гетов, ставших впоследствии даками, свидетельствует еще один источник о римско-македонской войне.

Аппиан ничего не говорит о союзе бастарнов и Македонии. В его изложении упоминается только то, что римские послы, отправленные к «бастернам», «сообщили, что видели сильно укрепленную Македонию» (XI, I). Бастерны, по Аппиану, жили около земли гетов, которая была болотиста и необитаема (X, I, 4). Но зато Аппиан говорит о союзе Персея и гетов: «Однако он (Персей — М. Т.) послал к гетам, жившим за Истром». В результате к Персею пришло десять тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев. Далее Аппиан излагает следующие подробности: «Когда геты перешли Истр, то было договорено дать Клойлию, их предводителю, тысячу золотых статов, каждому всаднику десять, пехотинцу половину этого» (XVIII, II). Но Персей послал несколько хламид, золотые ожерелья, коней в подарок предводителям. Однако Клойлий отказался от подарков, узнав, что обещанного золота Персей не дает. Когда же и второй раз прибывшие послы не принесли с собой золото, Клойлий, как пишет Аппиан, «увел назад свое войско» (XV, III).

В качестве гипотезы, в качестве вопроса археологическому материалу можно предположить, что именно с этими бастарнами-галлами, руководимыми Клондиком, столкнулся предводитель даков, потомков гетов — Орол. Произошло это, скорее всего, в регионе среднего Подунавья или в Трансильвании. (См. упоминание более позднего автора II в. н.э. Флора: «даки к горам привязаны» (II, 98, 18). Вероятно, именно после этих событий Клондик-Клойлий оказывается уже не только бастарнским вождем, не только «галльским царьком», но и «предводителем гетов». Возможная датировка события колеблется в пределах от 179 г. до н.э. (уход Клондика в Дарданию) до 168 г. (появления галльско-гетского войска у границ Македонии). Дальнейшие упоминания о бастарнах, принадлежащие Страбону, уже приводились. К югу от Истра Страбон отмечает бастарнов-певкинов, к северу, между Истром и Борисфеном, — атмонов и сидонов (VII, 3, 17)

К интервалу между 80-ми и 44 годами до н.э. относится целый ряд письменных свидетельств о гетах и их царе Буребисте (Страбон VII, 3, 5; 3, 11; Иордан 6; 67) Активная внешняя политика Буребисты, начавшаяся с разгрома Ольвии (Дион Хризостом XXXVI, 1) и продолженная к западу и югу от Гетики, обернулась внутренними неурядицами среди гетов, заговором против Буребисты, вследствие которого он и был убит (Страбон VII, 3, 11).

29-м годом до н.э. датируется неудачный рейд бастарнов под предводительством их короля Дельбо (Делдо) за Дунай. Бастарны были разгромлены проконсулом Македонии Марком Лицинием Крассом (Дион Кассий 1, 23-25).

Таким образом, если географическое соответствие бастарнов региону северной части Нижнего Подунавья не вызывает сомнений, то временные границы этого соответствия установить достаточно сложно. Вероятно, к 216 году бастарны-пришельцы не только появились у стен Каллатиса, но и изгнали то гетское население, которое было известно к северу от Истра с 335 г. по 291 г. до н.э. Предположительно в первой четверти II века бастарны ведут войну с даками, потомками гетов. А к рубежу II-I вв. до н.э. становятся автохтонными обитателями низовьев Дуная.

Итак, проанализировав поведение этнонима «геты» в пространстве и во времени, следует признать, что складывается весьма непростая картина, своеобразная *траектория этнонима*. В эту траекторию вплетается целый ряд других этнонимов, других народов — скифы, трибал-

лы, бастарны, всякий раз изменяя направление этой траектории в пространстве. Изолированное от данных археологии рассмотрение письменной информации заставляет видеть в этой траектории не просто результат лакунарности источников, а определенную тенденцию, *начало которой отмечено интервалом 512 — 430 гг. до н.э. с локализацией гетов в Добрудже, середина — 335-281 гг. с локализацией к северу от Дуная, а финал смутно маркирован точкой в границах первой четверти II в. до н.э., с вероятной локализацией «потомков гетов» где-то в Трансильвании.*

Конечно же, это наблюдение можно попытаться оспорить утверждением о неадекватности информации письменных источников той «правде жизни», которая демонстрируется археологией. Но археология, кажется, не противоречит этой картине.

II. Как найти гетскую культуру?

Происхождение гетской культуры в определенной степени остается загадкой. Из указаний античной письменной традиции о принадлежности гетов к общему стволу фракийских племен как бы логично вытекает, что их археологическая идентификация должна строиться на выявлении такого ствола уже в облике конкретной археологической культуры с последующим определением ее (его) гетской ветви. Но парадокс заключается в том, что пока мы уверенно можем говорить лишь о самой гетской ветви. Общий же фракийский ствол в облике какой-либо археологической культуры остается пока неизвестным, если, конечно же, не учитывать известные мнения о фракийской атрибуции всех без исключения археологических культур Северо-Восточных Балкан от VII века и ранее. Но и с гетской ветвью не все выглядит так благополучно, как хотелось бы. Как будет показано ниже, этих «гетских» ветвей несколько. И что, пожалуй, самое важное — все они разной длины.

Но как определяется сама гетская культура? Где та подсказка, благодаря которой мы можем с той или иной степенью вероятности приписать этнонимический ярлык археологическому материалу? Являются ли такой подсказкой только пространственно-временные совпадения информации письменных источников и данных археологии, траектории этнонима и пространственно-временной траектории археологической культуры? Последний момент, конечно же, чрезвычайно важен и принципиален, без него не обойтись. Но он является лишь одним из аргументов этнического определения культуры. Вторым аргументом, не уступающим по важности, является еще одно соотношение — с другими археологическими культурами, с другими этнонимами. Только из двух этих соотношений одновременно может проступить относительно достоверный контур культуры «самых честных и мужественных среди фракийцев».

1. Бессарабская Гетика. Третье колено. Или седьмая вода на киселе.

В силу высказанных соображений на время забудем, что самые ранние упоминания о гетах приходятся на регион Добруджи. Наиболее продуктивным будет начать рассмотрение археологической ситуации с противоположного берега Истра, где синхронно гетам VI-V вв. до н.э. упоминаются скифы, где в IV веке геты и скифы, согласно письменным данным, уже сосуществуют.

Итак, интервал датированных письменных свидетельств о скифах Днестро-Дунайского региона охватывает период от конца VI до конца IV вв. Но определение облика скифской археологической культуры региона оказывается не только в зависимости от соотношения с данны-

ми письменных источников о скифах Подунавья, но и от степени разрешенности проблем, собственно, самой скифологии. Ее же пространственные интересы на востоке достигают Поволжья и Предкавказья (а во многих случаях Заповолжья и Закавказья). Многие из этих проблем, как, впрочем, и их разрешение, как бы автоматически переносятся на регион Карпато-Поднепровья, дополняя общую ситуацию рядом региональных деталей и поправок. Среди них: проблемы хронологии скифской культуры (Смирнова 1993), преемственности архаической лесостепной Скифии VII-VI вв. до н.э. и Скифии степной V-IV вв. до н.э. (Бруяко, Ткачук 1994: 27-31), являющихся как бы откликами на работы, зат-

рагивающие более обширные регионы (Медведская 1992; Алексеев 1992: 104).

Применительно к Карпато-Днестровским землям эта скифоведческая проблематика «обогащается» рядом дополнительных сложностей, которые уже преподносятся фракологией. Историография свидетельствует о том, что основные затруднения в определении скифских древностей, их вычленении из нескифских возникают при рассмотрении ранних памятников. Например, если для А. Вулпе погребение Чимбала в южной Молдове является связанным с трансильванской группой Чиумбруд, оставленной, по его мнению, скифами-агафирсами (Vulpe 1970: 162), то для И. Т. Никулицэ это погребение раннегетское (Никулицэ 1987: 56). Если для А. И. Мелюковой поле могильника Данчены (центральная Бессарабия) явно содержит скифские погребения, а захоронение воина у Суручен атрибутируется как скифское (Мелюкова 1979: 144), то для В. Л. Лапушняна оба памятника также раннегетские (Лапушнян 1979: 88).

Менее конфликтен в подборе этнических ярлыков период V-IV вв. В это время в степной зоне Бессарабии распространяются классические скифские древности, типологически сопоставимые с остальными областями Причерноморской Скифии (Мелюкова 1979: 141-163). Картография скифских памятников этого времени дает несколько зон их сгущения: Буджак, левобережное Приднестровье (районы Тирасполя, Григориополя, Дубоссар). То есть преимущественно степная зона. Общее количество скифских памятников (поселений и могильников) в настоящее время установить сложно. Число их (прежде всего погребений) пополняется ежегодно. В статье Е. Ф. Рединой 1989 года приводится список из 66 пунктов степной зоны региона (Редина 1989: 26). Этот список может быть пополнен рядом новых комплексов, открытых в степной и лесостепной Бессарабии (Субботин, Островерхов, Охотников, Редина 1992; Андрух, Чернов 1990; Кетрару, Серова 1987; Кетрару, Серова 1990; Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989; Хахеу 1990; Антипенко 1992).

Учитывая эти материалы, а также наметившуюся модернизацию хронологической системы скифской культуры, пространственно-временной портрет Дунайско-Днестровской Скифии выглядит следующим образом.

После снижения ранней ступени скифской культуры в начало VII века (Медведская 1992) неизбежным оказывается удревнение даты погребения у с. Старые Куконешты, открытого в среднем Попрутье (Дергачев 1979). Материалы погребения содержали 8 бронзовых наконечников стрел, из которых 4 — двухлопастные с листовидной головкой и 4 — трехлопастные длинновтульчатые с остролистной в плане головкой. Отсутствие в стрелковом наборе треугольно-сводчатых наконечников позволило Г. И. Смирновой отнести погребение ко 2-му этапу

раннескифской культуры, то есть к периоду в пределах первой четверти-середины VII в. до н.э. (Смирнова 1993: 108). С этим инвентарем можно уверенно синхронизировать целый ряд комплексов, погребений и случайных находок, сводка и картография которых была представлена О. Г. Левицким и Т. И. Демченко (Левицкий, Демченко 1995: 41-53). Из них обращают на себя внимание прежде всего погребения у с. Чобручи, Рэскэций Ной и пгт. Страшены. Погребения в Чобручи (впускное) и из разрушенного кургана у пгт. Страшены содержали по бронзовому дисковидному зеркалу с петлей на обороте, а комплекс из Страшен дополняется и колчанным набором из 12 бронзовых наконечников стрел (два двухлопастных с лавролистной головкой и шипом, один трехлопастный с остролистной головкой и шипом). Этот тип зеркал является четким индикатором именно второго этапа раннескифской культуры (Медведская 1992: 87). О. Г. Левицкий и Т. И. Демченко, опираясь на разработки И. Н. Медведской и уточнения Г. И. Смирновой, определяют датировку погребения в Чобручи серединой-второй половиной VII века (Левицкий, Демченко 1995: 45), а комплекс из Страшен — серединой VII века (Левицкий, Демченко 1995: 49). Нескольким более поздним временем О. Г. Левицкий и Т. И. Демченко продатировали погребение в Рэскэций Ной. Странное сочетание керамики (двух кубков с прочерченным орнаментом, характерных для позднекиммерийских и раннежаботинских комплексов) с ажурной бронзовой бляхой с изображением свернувшегося хищника (нижняя дата подобных находок отсчитывает свое начало с рубежа VII века) позволило авторам рассмотреть данный комплекс в хронологическом интервале второй половины VII — рубежа VII-VI вв. (Левицкий 1995: 48).

К этой же группе, вероятно, относится погребение, обнаруженное еще в конце прошлого века у с. Сату-Маре в верхнем течении Сучавы (Запрутская Прикарпатская Молдова) (Ignat 1976: 106). По восстановленным Мирчей Игнатом данным, погребение совершено по обряду сожжения, остатки его были выявлены под небольшим курганчиком. В состав инвентаря входили два бронзовых наконечника, один из которых двухлопастный с шипом и листовидной головкой (Ignat 1976: fig. 3/6, 7).

Такая хронологическая позиция позволяет синхронизировать эти самые ранние проявления скифской культуры к северу от Дуная с финальной фазой среднегалльштатских памятников культуры Басарабь-Шолдэнешть, расположенных в лесостепной Бессарабии. Но это только в том случае, если памятники этой культуры, охватывающей регионы Румынии, Северо-Восточной Югославии и северной Болгарии (Vulpe 1965: 105-132; Vulpe 1970: 183-187; Toncseva 1980) действительно доживают в Бессарабии до начала VII века (Демченко, Левицкий 1990: 111-

119; Levitchi 1992: 121). Единственное исключение — могильник Селиште, который, по мнению И. В. Бруяко, опирающегося в датировке памятника на хронологию однокольчатых удил, может датироваться позднее середины VII века (Бруяко 1999). Но в целом речь может идти о непосредственном следовании раннескифских памятников за басарабско-шолдэнештскими (Levički 1996: 180) и, возможно, лишь частичном сосуществовании обеих групп древностей. В пользу частичного сосуществования обеих групп памятников свидетельствует не только некоторая расплывчатость хронологии поздних фаз басарабско-шолдэнештских памятников Бессарабии, но и отличия в их пространственной локализации в сравнении с раннескифскими. Последние занимают несколько иную территорию, тяготея к Западу, Попрутью, в то время как шолдэнештские, наоборот, выглядят этаким наиболее восточным анклавом в Бессарабии (см. Levički 1996).

Размещение раннескифских погребений в лесостепной зоне типично для архаической Причерноморской Скифии (Алексеев 1992: 104). Однако уже около 600 г. до н.э. первые скифские памятники появляются и в степной зоне, в Нижнем Подунавье (погребение 5 кургана 9 у с. Огородное) (Субботин, Шмаглий 1970: 6: 151). Далее намечается некоторый хронологический разрыв. Новая серия скифских погребений второй половины VI — рубежа VI-V вв. возникает на пограничье степи и лесостепи. Это погребения-сожжения у Дубоссар, Коржово, грунтовое погребение у Суручен, содержащее акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (Сергеев 1960: 137; Мелюкова 1979: 144; Лапушнян 1979: 115).

Особый интерес среди всех этих новых комплексов представляют прежде всего материалы раскопок погребения 7 кургана 43 и погребения 1 кургана 46 у Дубоссар (Кетрару, Серова 1990: 169). По мнению авторов раскопок, первоначально оба захоронения были совершены в деревянных гробницах, которые затем были сожжены на поверхности курганов. Эти детали обряда сближают рассматриваемое погребение с раннескифскими комплексами Украины (Мурзин 1984: 51), а учитывая датировку погребений по самосским амфорам второй половины VI — начала V вв., и с погребением I кургана 7 у с. Коржово (центральная лесостепная Бессарабия). В погребении у с. Коржово был также обнаружен частично кальцинированный скелет в сопровождении амфоры со стаканообразным дном, датирующей погребение второй половиной VI века до н.э. (Борзаяк, Манзура, Левицкий 1983: 26; Серова 1984: 159)

К этому же горизонту, вероятно, относятся случайные находки акинаков в Бессарабии (Требужены, Лукашевка) и находка бронзового навершия, выполненного, по мнению А. И. Мелюковой, в традициях скифо-фракийского «звериного» стиля (Мелюкова 1958: 90; Лапушнян 1979:

119). К кругу скифских древностей этого времени тяготеют многочисленные случайные находки акинаков в Центральной Молдове (около 30) (Mihailescu-Bîrîba 1976: 109-116; Buzdugan 1976: 239-273; Capitanu 1984: 51-53). Весьма сходны по набору инвентаря (акинаки, бронзовые наконечники стрел рубежа VI-V вв.) погребению у Суручен четыре воинских грунтовых погребения лесостепной Запрутской Молдовы (Palada, Ciuca 1972: 285; Palada 1976: 549-555).

В таком случае получается, что с отмеченными скифскими памятниками VI-V вв. типа сожжений у Коржова и Дубоссар, ингумацией у Суручен и т. д. синхронизируется весьма любопытная группа древностей: погребения Пыржолтены, Олонешты, Данченский некрополь, ранний горизонт городищ Стынчешть и Бутучен. Именно этим памятникам отводится роль переходного звена от басарабско-шолдэнештских к гетским (Никулицэ 1977: 132). С этим выводом солидарна А. И. Мелюкова, полагающая, что открытие могильника у с. Данчены конца V — начала IV вв. до н.э. и погребения начала V века у с. Пыржолтены позволяют наметить переходный этап от культуры Басарабь к собственно гетской IV в. до н.э. «Обряд трупосожжения, преобладающий в данных памятниках, а также найденная в них керамика, — пишет А. И. Мелюкова, — ясно свидетельствует об их генетической связи с более ранними памятниками типа могильников у с. Селиште и Шолданешты» (Мелюкова 1979: 142).

Частично эти памятники описаны В. Л. Лапушняном (Лапушнян 1979). Типологически они достаточно своеобразны. Одиночные погребения у Пыржолтен (центральная Бессарабия) и Олонешт (степные районы Бессарабии) — сожжения, а поле Данченского могильника (всего 42 погребения; также центральная Бессарабия) представлено, как сожжениями, так и трупоположениями (15 погребений). Все погребения бескурганые. Урновые и безурновые сожжения в Данчанах погребались в ямах округлой формы, иногда в сопровождении жертвенных сосудов, а трупоположения — в прямоугольных ямах (10 погребений) либо в больших прямоугольных камерах с деревянно-глинобитным перекрытием. Два погребения были совершены в ямах с подбоем (20-23). Эти детали обрядности указывают на культурный синкретизм памятников, что было отмечено как В. Л. Лапушняном, нашедшим аналогии конструкции погребений с деревянно-глинобитным перекрытием в скифских курганных некрополях Поднепровья (Лапушнян 1979: 58-59), так и А. И. Мелюковой (1979: 144).

Инвентарь из погребений столь же различен по своему происхождению. Кроме наконечников стрел и копий скифского типа, в погребении у Пыржолтен обнаружены костяные изделия, изготовленные в скифском зверином стиле, в той же стилистике оформлено завершение рукоятки железного ножа. И в Пыржолтенах, и в Оло-

нештах есть мечи-акинаки, а в погребениях Данченского могильника присутствует скифская керамика (горшок погр. №86, миска с проколами по внутренней стороне венчика из разрушенного погребения). Но основная часть керамических изделий преимущественно представлена разнообразными вариантами горшков «мешковидной» формы, относящихся к IX типу по классификации Е. Москалу.

Нижняя дата этого горизонта памятников — конец VI-первая половина V века Лапушняном определяется по базисным и опорно-втульчатым наконечникам скифского типа из Пыржолтен (Лапушнян 1979: 20), по фрагментам скифоидной керамики (с проколами по внутренней стороне венчика). Верхняя дата «раннегетской» культуры — V-IV вв. — основана на находках гетской керамики, но, прежде всего, на удлиненных, базисных, башнеобразных наконечниках стрел, относящихся к IX типу по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1979: 20).

К списку памятников, появившихся в Молдове и Бессарабии в конце VI — первой половине V века, кроме Пыржолтен, Данчен, Олонешт, городищ Стынчешты и Бутучены (И. Т. Никулицэ не опубликованы фрагменты пухлогорлых хиосских амфор, найденных на городище, поэтому его ранней датировке памятника приходится верить на слово), можно отнести поселение Алчедар, в культурном слое которого также были обнаружены фрагменты пухлогорлых хиосских амфор (Хахеу 1987; 1997), погребения Трестиана и Чимбала (Саритану 1968: 69; Răușoi 1969: 87). В состав инвентаря погребения-ингумации у с. Чимбала входили гривна, два височных кольца с округлыми шляпками, пропеллерообразные навершия булавок. Из погребения Трестиана (обряд не известен) происходят две фибулы типа Глассинак и черпак с обломанными ручками. С точки зрения А. Вулпе, оба погребения в культурном и хронологическом отношении (в пределах VI века) могут быть сопоставлены со скифоидной группой Чиумбруд из Карпатской котловины (Vulpe 1970: 202).

Рассмотрение этих древностей в синхронии позволяет говорить о некоем гето-скифском горизонте древностей, сходных лишь своей разнородностью и типологической хаотичностью. Ни один из признаков этого горизонта не оказывается ведущим: ни погребальный обряд, ни керамика, ни оружие. Дополнительным объединяющим моментом является то, что ни скифские, ни гетские элементы этого горизонта не могут считаться автохтонными. Между ними и самой первой группой скифских погребений региона (Старые Куконешты, Страшены, Сату-Маре) зияет хронологическая лагуна более полутора столетия. А в случае с погребениями у Пыржолтен, Олонешт, погребениями Данченского могильника, содержащими гетскую керамику, эта лагуна — еще и культурного порядка. Она отрезает самые ран-

ние проявления гетской культуры от культуры Басарабь-Шолданешты, развитие которой к востоку от Карпат прекратилось на рубеже VIII-VII вв., в начале VII века. *Можно говорить лишь о том, что горизонт Олонешты-Пыржолтены-Данчены-Суручены-Коржово внес определенный вклад в культуру гетов IV-III вв., но видеть в нем некое свидетельство автохтонности гетов в Карпато-Поднепровье, а заодно независимый очаг формирования их культуры нельзя.*

Наиболее прозрачным с точки зрения этнокультурной атрибуции оказывается интервал с IV по III вв. до н.э. Резко увеличивается и общее количество памятников, глубже проступают их типологические различия. Именно на этот период приходится основная масса скифских погребений степной зоны (Андрух 1995: 51-71). Узко-датированные вещи из скифских комплексов практически не выходят за пределы этого столетия. Однако, в отличие от территории к востоку от Днестра, Днестро-Дунайская Скифия не прекращает полностью своего существования в конце IV в. до н.э. Датировка тризн могильника Курчи родосскими амфорами конца III — начала II вв. до н.э., кургана 48 у с. Кочковатое (Нижнее Подунавье) железными наконечниками стрел и трехручным гончарным сосудом III в. до н.э. указывают на возможность продолжения существования скифской культуры в регионе и после IV века (Андрух, Чернов 1990: 161). Как полагают С. И. Андрух и С. И. Чернов, на левобережье Нижнего Днестра с этими памятниками синхронизируются: клад у с. Великоплоское, курганы Тираспольщины, курган у с. Николаевка, а на правобережье — комплекс вещей из насыпи кургана 20 у с. Семеновка (Андрух, Чернов 1990: 161-162). К последним можно было бы добавить материалы поселения Граденицы V (Мелюкова 1979: 163). Но все эти признаки указывают лишь на посткатастрофическое, инерционное существование скифской культуры к северу от Дуная в III веке и совершенно несопоставимы с массовостью и яркостью их культуры предшествующего времени.

Если сопоставить схему письменных упоминаний о скифах Карпато-Днестровских земель и цикл их культуры, прослеженный археологически, то можно убедиться в определенном совпадении данных обоих типов источников. Пространственно-временные траектории этнонима и культуры в принципиальных моментах повторяют друг друга.

Из схемы письменных упоминаний о гетах видно, что второй пик этих упоминаний приходится на интервал от третьей четверти IV века до первой половины-середины III века до н.э. Пространственно этот пик локализуется к северу от Истра. Задача фокусировки этого всплеска упоминаний о гетах на археологические материалы была успешно реализована исследованиями А. И. Мелюковой (1969), Т. Д. Златков-

ской и Л. Л. Полевого (Златковская, Полевой: 1969). Наиболее всестороннее типологическое описание культуры гетов IV-III вв. до н.э. дано в работах И. Т. Никулицэ (1973; 1974; 1977; 1983; 1987). В 1974 г. И. Т. Никулицэ писал: «В результате археологических разведок и раскопок были выявлены городища, селища и могильники, которые относятся, судя по керамике, к гетской культуре IV-III вв. до н.э.» (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 33).

Общее количество известных теперь гетских памятников Карпато-Днестровских земель составляет 242 пункта, из которых 154 расположены в Днестровско-Прутском междуречье (Никулицэ 1987: 84). Картография древностей гетов показывает, что распространены они были как в степной, так и в лесостепной зоне. Однако наибольшая плотность поселений наблюдается в центральной части лесостепной Молдовы.

В пределах Карпато-Поднестровья выявлено 61 городище (Никулицэ 1987: 85). К настоящему времени раскопкам подвергнуты городища Пояна (Vulpe 1952), Рэкэтэу (Caritanu 1984; 1987), Стынчешть (Florescu, Rața 1969), Котнарь (Teodor 1988), Бунешть (Bazarciuc 1980; 1983), Бутучены (Смирнов 1949а; 1954; Никулицэ 1987; 1991), Большая и Малая Сахарна (Смирнов 1949b; Мелюкова 1958), Машкауцы (Никулицэ 1987), Новосельское (Бруяко, Кожокару 1990), Пивденное (Сальников 1961; 1963), группа поселений у с. Ханска (Никулицэ 1987: 110), у с. Алчедар (Хахеу 1987). Городища и поселения гетов — это, несомненно, очень важные признаки, определяющие культуру, ее оседлый тип. Но в случае с гетами не они оказываются ее этнонимическим «паспортом».

Погребальный обряд в той же мере не может служить в данном случае подспорьем. На исследованном А. Д. Александреску в устье Олта могильнике Зимнича над погребениями сооружались невысокие курганы (Alexandrescu 1980: 19-20). Отличительной чертой могильников гетов Днестровско-Прутского междуречья является отсутствие курганных насыпей. Все известные здесь могильники относятся к грунтовым (Никулицэ 1973; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 38). Единственным признаком погребальной обрядности, достаточно точно вписывающимся в ареал гетской культуры, является абсолютное преобладание трупосожжений над трупоположениями (Никулицэ 1987: 25). Погребальный инвентарь, включающий в себя украшения (фибулы латенского — как правило, духцовского — и фракийского типов, браслеты, зеркала, стеклянные и пастовые бусы), оружие (наконечники стрел скифского типа), пряслица, железные ножи, в той же мере является очень невыразительным этно-культурным свидетельством. За одним банальным археологическим исключением.

Речь идет о керамике. Да, именно керамика, как это часто наблюдается в археологии, ока-

зывается тем структурообразующим признаком определения гетской археологической культуры. Хотя, например, для скифской культуры отнюдь не керамика оказывается таким признаком.

Керамика гетов — горшки, миски, фруктовницы, кувшины — в большинстве случаев представлена лепными сосудами. И. Т. Никулицэ выделяет следующие типы горшков: горшки с низким или расширяющимся к устью горлом, покатыми плечиками и небольшим расширением тулова в средней части; горшки-корчаги с хорошо выраженным, расширяющимся кверху и переходящим к устью в раструб горлом; горшки-корчаги с высоким расширяющимся к устью горлом и выпуклыми плечиками; горшки без выделенного горла и с широким устьем; горшки с едва намеченным горлом и покатыми плечиками. Все эти типы горшков украшены налепками в виде розеток, схематичными ритонами, ручками-упорами (Никулицэ 1987: 119-122). Наличие горшков с ручками-упорами является, пожалуй, единственным признаком, на основании которого можно уверенно говорить о гетской культуре, на основании которого можно атрибутировать памятники во время разведок и сбора подъемного материала.

Анализируя гетскую керамику, И. Т. Никулицэ приходит к заключению, что на памятниках между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем в IV-III вв. распространялись одинаковые типы керамических изделий (Никулицэ 1987: 123). Этот, безусловно, справедливый вывод получил более солидную аргументацию в монографическом исследовании Емила Москалу. Е. Москалу для керамической культуры гетов, характеризующейся поразительной униформизацией, вводит специальное название «аспект Канлия», которому в его классификации соответствует IX тип горшков (Moscalu 1983: 57). Этот тип, подразделяясь на ряд вариантов, дает ассоциированное представление о наиболее специфических проявлениях культуры гетов. Ион Горацциу Кришан называл горшки этого типа «колоколовидными», Москалу называет их более прозаически — «мешковидные», полагая, что сосуды именно этой формы являются «фундаментальными для определения культуры фракийцев вообще и в частности гето-даков» (Moscalu 1983: 57).

Из схемы письменных упоминаний выходит, что с гетами к северу от Истра можно сопоставить лишь второй информационный всплеск, приходящийся на вторую половину IV-начало III вв. Возникает естественный вопрос: в какой мере этот всплеск отражает реальное положение вещей?

Рассмотрим хронологический контур гетской культуры Карпато-Днестровского региона, а заодно постараемся отыскать тот типологический нуль, с которого можно было бы проследить ее развитие.

Региональный аспект проблемы происхож-

дения гетской культуры рассматривался И. Т. Никулицэ. Проанализировав серию таких вещей, как македонские монеты, монеты западнопонтских городов, фибулы фракийского латенского (духцовского) типов, браслеты, скифские наконечники стрел, античную чернолаковую керамику, амфорный материал, И. Т. Никулицэ в своем первом монографическом исследовании приходит к выводу, что все датированные вещи, найденные в закрытых комплексах, относятся к началу IV или к концу III века до н.э. Единственной категорией находок, датированной второй половиной V века, по И. Т. Никулицэ являются хиосские пухлогорлые амфоры с городищ Стынчешть и Бутучень (Никулицэ 1977: 24).

Впоследствии И. Т. Никулицэ отказывается от своей прежней датировки хиосских амфор из Стынчешть, удревая их дату до конца VI века, ссылаясь на авторов публикации (Никулицэ 1987: 45; Florescu, Rața 1969. Справедливость такой датировки не вызывает сомнения у А. Вулпе. См.: Vulpe 1970: 201). Но и такое удре-

ние не меняет принципиально ситуации. От Стынчешть до Басарабь-Шолдэнештской культуры остается непреодолимый хронологический разрыв, пунктирно заполненный лишь разрозненными (возможно, даже стыкующимися во времени) погребениями (Данчены-Пыржолтены-Олонешты). Яркая, узнаваемая гетская культура Карпато-Днестровья IV-III вв. не стыкуется напрямую с древностями культуры Басарабь, которые, несмотря на их явно иллирийское происхождение, безусловно претендуют на роль исходного ствола многих фракийских культур. В Карпато-Поднестровье эта культура не оставила прямых наследников. Гетская культура Карпато-Днестровья, визуальнo являясь типологической ветвью культуры Басарабь, возникла где-то в иных местах, между нею и Басарабью не хватает целого «хронологического колена», протяженностью лет в двести. Но из этого вывода следует, что где-то в этом хронологическом интервале гетская (или же раннегетская) культура уже существовала.

2. Гетика между Карпатами и Дунаем. Самое первое колено

В отличие от Карпато-Днестровских земель, в Южном Прикарпатье, Мунтении и Южной Трансильвании типологическое развитие культуры Басарабь выразилось в формировании группы древностей типа Бырсешть-Фериджили-Тигвень (Vulpe 1967; 1970; 1977; Morinț 1957; 1961; 1962; Мелюкова 1979: 91-100). Подкурганные трупосожжения этой группы после передачи могильника Фериджили датируются в пределах VII-первой половины V века (Vulpe 1977: 85-91). Нижняя дата первой фазы могильника (вторая половина VII века) синхронизируется Вулпе с верхним пределом культуры Басарабь-Шолданешты в Молдове (Vulpe 1977: 91). Но, демонстрируя непосредственную преемственную связь с культурой Басарабь Южного Прикарпатья, погребения группы Бырсешть-Фериджиле-Тигвень отличаются определенным культурным синкретизмом. Он сказывается, прежде всего, в появлении в конце VII и существовании на протяжении VI века мечей-акинаков и удила типа Сентеш-Векерзуг-Хотин, многочисленные аналогии которым находятся в «Западной Скифии», в ареале культуры Чиумбруд и Векерзуг (Vulpe 1977: 96). Кроме этих скифоидных черт, в материалах погребений Фериджиле отмечается явное влияние со стороны синхронных раннему периоду существования могильника (фазы I, II, III) иллирийских древнос-

тей типа Балта-Верде и Гогошу (Vulpe 1977: 91).

В последней, V фазе могильника Фериджиле, датированной первой половиной V века, все эти скифоидные и иллирийские элементы уже не прослеживаются. Корреляция комплексов, сделанная Вулпе, демонстрирует отсутствие типологической преемственности по всем категориям находок, включая керамику, между V фазой и предшествующей фазой могильника (Vulpe 1977: 96).

Тот факт, что эти погребения (№№106, 107, 40, 9) группируются на плане могильника отдельно, в северной его части, может быть аргументом в пользу того, что речь, вероятно, должна идти о приходе новой культурной группы и прекращении концу VI века до н.э. существования группы Фериджиле. Типологически материалы V фазы могильника Фериджиле аналогичны другому кругу древностей — второму горизонту могильника Равна, размещенного в Южной Добрудже (Vulpe 1970: 193-194; 77: 91).

Мы не можем однозначно утверждать, что развитие этой группы памятников скоропостижно прервалось, что постбасарабьские традиции как бы ничем не завершились к северу от Дуная. Это было бы весьма скоропалительным выводом. Но и оснований для утверждения о несомненности рождения исторических гетов к северу от Дуная у нас тоже нет. Может быть, пока...

3. К югу от Дуная. Второе колено. Рождение традиции

В Добрудже хронологическая и культурная ситуация зеркально противоположна той, которая была прослежена на северном берегу: в лесостепной Бессарабии и Южном Прикарпатье.

Вероятно, относительно синхронно исчезновению группы Басарабь-Шолданешты в Бессарабии, в Северной Добрудже отмечаются признаки какой-то культурной катастрофы. Буквально в огне гибнет городище Бабадаг (III горизонт) (Simion 1992: 37). Гаврила Симион полагает, что катастрофа произошла в середине VII или во второй половине VII века (Simion 1992: 44). Согласно тому же автору следует, что к концу VII века, в первой половине VI века Северная Добруджа заселяется «номадами» из северо-понтийских степей. Аргументируя этот вывод, Симион ссылается не только на давно известные материалы скифоидного облика с поселения Тариверде (Berciu, Preda 1961; Preda 1972), нижний рубеж существования которого по П. Александреску приходится на первую четверть VI века (Alexandrescu 1976: 123). Раскопки могильника Валя Чиликулуй (Чилик-Дере) выявили группу подкурганых труположений, сопровождавшихся часто акинаками и бронзовыми ромбическими двухлопастными или трехлопастными наконечниками (часто с шипом) (Simion 1992: 27). К сожалению, по выборочной публикации материалов могильника трудно составить представление о его хронологическом положении, однако, не исключено, что скифские вещи (прежде всего двухлопастные наконечники) свидетельствуют в пользу более низкой даты могильника, а заодно и той катастрофы, виновниками которой, по предположению Симиона, являлись северо-понтийские номады. К. К. Марченко и М. Ю. Вахтина считают, что комплексы Чилик-Дере хронологически близки Келермесским курганам, относящимся к 660-620 гг. до н.э., а по инвентарю наиболее сходны с памятниками типа Темир-Горы, «характерными для северо-причерноморских степей последней четверти VII — конца VII в. до н.э.» (Марченко, Вахтина 1997: 181).

В конце VII века, то есть синхронно II и III фазе могильника Фериджиле, в Южной Добрудже появляются курганные могильники Добриня (47 погребений) и Крыгулево (20 погребений) (Мирчев 1965; Бобчева 1975; уточнение датировки Добрини см.: Hänsel 1974: 210; Alexandrescu 1976: 118-119). Обряд сожжения, «биконические урны, горшки, миски и большинство черпаков находят прямые параллели в керамике группы Бырсешты-Фериджиле или имеют лишь незначительные отличия в деталях» (Мелюкова 1979: 116), хотя «керамика не дает такого разнообразия и обилия форм, что в Фериджиле, нет в ней и орнаментации, свойственной последней и ведущей свое происхождение

от орнаментальных мотивов на керамике культуры Басараби» (Мелюкова 1979: 116). В Северной Добрудже, в районе Тулчи зафиксировано еще два погребальных комплекса с материалами типа Фериджиле (Simion 1974: 204).

Могильник Равна, также открытый в Южной Добрудже (Мирчев 1962), продатированный Б. Хенселем VI-V вв. (Hänsel 1974: 212), оказывается тем самым переходным звеном, которое позволяет связать постбасарабско-шолданештские традиции группы Бырсешты-Фериджиле с культурой гетов. Правда, звено это существует только в Добрудже.

Действительно, наиболее серийное, а не спорадическое проявление керамики, причисляемой Е. Москалу к аспекту Канлия (тип IX/c) (Moscalu 1983: 189), наблюдается в материалах второго горизонта Равны. В культурно-хронологическом отношении оба горизонта представляют собой две фазы непрерывного существования могильника.

Первый горизонт, или Равна-I, и по конструкции погребальных сооружений и по набору инвентаря идентичен могильникам Добриня и Крыгулево (Мелюкова 1979: 116; Vulpe 1970: 193-194). Господствующим типом сосудов-урн этого горизонта, как и в Добрине, и в Фериджиле, являлись биконические, двусоставные корчаги с цилиндрическим горлом (I тип по Е. Москалу) (Moscalu 1983: 15-31).

Горизонт Равна II характеризуется отсутствием этих сосудов. Если проанализировать встречаемость сосудов I и IX типа, то окажется, что они никогда не пересекаются в одних и тех же комплексах. При этом комплексы не разрываются, а соединяются посредством других керамических типов. Это убеждает, что переход произошел в границах одной культуры, что просто один тип погребальных урн был заменен на другой. Но если сопоставить на материалах некрополей Добриня, Крыгулево, Равна-I, II оба типа на предмет сходства, то окажется, что IX тип, или тип Канлия, — это модификация I-го типа. Это та же корчага, только без цилиндрического горла. Это заставляет видеть именно в круге древностей типа Добриня, Крыгулево, Равна исходную область формирования керамического стиля гетской культуры.

Но рождение этого стиля уверенно соотносится с еще одним существенным изменением в культуре Южной Добруджи VI века. Изменяется погребальный обряд. Вместо урновых подкурганых погребений, совершаемых в неглубоких ямках или на древней дневной поверхности, появляются урновые подкурганые захоронения в каменных ящиках-цистах. Корреляция комплексов Равны показывает, что с новым керамическим стилем еще некоторое время сосуществует старый обряд погребения (№№ по-

гребений: 14а, 12, 28, 29), однако большинство погребений Равны II синхронизируется с новой погребальной конструкцией.

Новый погребальный обряд только в Равне проявился столь ярко. В могильниках Южной и Северной Добруджи конца VI-V вв. погребения в цистах встречаются часто, но отнюдь не преобладают над остальными погребениями-сожжениями. Они известны на могильниках Муригиол I, II, Телица, Сата Ноуа, Енисала, Буджак-Остров (Никулицэ 1973), в могильнике Чукурова (Simion 1992: 32).

Но, так или иначе, с конца VI века в Добрудже появляются многочисленные поселения и могильники, хронологическое положение которых совпадает, с одной стороны, с самыми ранними упоминаниями гетов, приходящимися на южное Подунавье, а, с другой стороны, типологически и хронологически стыкуется с древностями ге-

тов IV-III вв., распространенными к северу от Дуная. Это могильники: Енисала (Simion 1976) — 300 захоронений, Буджак (Irimia 1968; 1992) — 125 захоронений, Канлия (не опубликован) — 76 захоронений (количество погребений по: Москалу 1991: 163), Муригиол — 60 погребений (Вијог 1955; 1956; 1959; Бужор 1958); городища: Чилик-Дере, Бейдауд и Бештепе, датирующиеся концом VI века по хиосским пухлогорлым амфорам (Simion 1992: 27, fig. 4/g). Характеризуя памятники Румынии и Северной Болгарии конца V-III вв., А. И. Мелюкова писала, что более всего памятников этого времени известно на территории Добруджи и Северо-Восточной Болгарии (Мелюкова 1979: 121).

Добруджа оказывается единственным регионом, в котором можно достоверно зафиксировать само начало Гетики. Именно в этом регионе произошло рождение новой традиции.

4. Как это все могло случиться? Событийная реконструкция.

Марк Борисович Щукин, исследуя культурные процессы в Европе на рубеже эр, нашел очень привлекательный образ — образ культурных миров. Именно их взаимодействие определяло в I тысячелетии ход истории в Европе. Миром, согласно М. Б. Щукину, было семь: греко-римский, кельтский, «третий мир» варварских племен Восточной и Северной Европы, мир культур зоны смешанных лесов, мир культур хвойных лесов (от Финского залива до Приуралья), кочевнический скифо-сарматский мир, фракийский мир (Щукин 1989: 57).

Но если мы обратимся к отправной точке событий, приведших к становлению культуры гетов, то мы вряд ли столкнемся с «готовыми» мирами. Это будет время становления миров.

Вторжение скифов Мадия в 3 четверти VII века в Переднюю Азию (Алексеев 1992: 59), сокрушение Мидийского царства заложили начало совершенно нового цикла европейской истории. Относительно синхронно скифской агрессии в Азии происходит их стремительное движение на Запад. Ян Хохоровский, отмечая агрессивный характер этого продвижения, указывает на находки скифских наконечников стрел на городищах Средней Европы, в слоях, носящих следы завоевания и внезапных разрушений (Хохоровский 1991: 155).

Следствием именно этого броска на Запад вероятно оказывается появление отдельных скифских погребений VII века в Бессарабии и Молдове (Старые Куконешты, Чобручи, Рэскэций Ной, Сату Маре, Страшены). Учитывая обстоятельства внедрения скифов в регион, можно предположить, что именно они оказались виновниками прекращения поступательного развития древностей типа Шолдэнешты в Бессарабии и Бабадаг III в Северной Добрудже. Но скифские памятники этого времени в Бессарабии демонстрируют не столько прочное освое-

ние скифами региона, сколько осуществление ими контроля в области, пограничной между Скифиями Западно-Подольской и Трансильванской. В Трансильвании постепенно складывается скифоидная культура Чиумбруд (Vasiliev 1980), а в долине Тисы, в Венгерской низменности и вплоть до региона Нижней Крайны формируется культура Сентеш-Векерзуг-Хотин (Chochogowski 1984). Культуру Чиумбруд не без оснований связывают с агафирсами письменных источников (Vulpe 1970), а культуру Векерзуг Хохоровский очень убедительно связал с синами (1987), народом, согласно Геродоту, одевающимся в мидийские одежды, считающим себя потомками мидийских переселенцев и живущим «почти до области энетов на Адриатическом море» (V. 9).

Скифская или же «скифоидная» культура начинает задавать тон на обширных пространствах. Далеко на Западе, в Северной Италии на второй стадии культуры Эсте (750-575) (Fologary 1960; Frey 1960), ближе к концу этой стадии (Barfield 1971: 125) отмечается проникновение так называемого «ориентального» стиля. Его связывают не только с продвижением этрусков на север Апеннин, но и с влияниями, исходящими из Восточного Средиземноморья (Barfield 1971: 115). Впоследствии этот стиль развился в широко известный горизонт ситул «чертозского типа» (Luske, Frey 1962). Учитывая тот факт, что культура энетов — Эсте находилась в непосредственном контакте с синами Нижней Крайны и Далмации (Chochogowski 1987: 192-197), а ареал чертозских ситул охватывал и области культуры Векерзуг, не исключено, что именно сины — народ мидийский — являлись одним из источников этих влияний. Кроме известных восточных мотивов на фризах чертозских ситул, можно обратить внимание на антропоморфную стелу VI века до н.э. из мо-

гильника Салета ди Бентовильо (Barfield 1971: рl. 43), рельефное изображение которой (два горных козла, «объедающих» листья мирового дерева) идентично изображению на пластине из Зивие (Porada 1963: 69). Неожиданно находят аналогии в Далмации и на полуострове Истрия «оленные камни» Кавказа и Центральной Азии, иногда вплоть до мельчайших совпадений (изображение секиры, «домиков» в нижней части стелы — Кукос 1987: 47-67). Очень близки изображения птиц на ситуде из Ватча (Luske, Frey 1962: № 33) «хищным птицам» жаботинских гравировок (Погребова, Раевский 1991: 151; Зуев 1993: 44).

Все эти моменты процесса ориентализации на границах Северной Италии и Западной Краины всплывут в истории Нижнего Подунавья позднее, в конце V века. Но сама фиксация такого культурного импульса, некой волны скифизации Центральной Европы достаточно красноречиво свидетельствует о том, насколько были близки по характеру и по времени культурные процессы, разворачивавшиеся между Падуанской долиной и Передней Азией. Взаимная открытость культурных регионов, «размах» и свобода перемещений, влияний — все это радикально отрезало становящуюся эпоху от прежнего наследия.

Именно к этому времени Греция выбирается из «темных веков» хаоса и забвения и подбегает к варварскому миру и миру переднеазиатских цивилизаций как бы со стороны, противоположной той, которую во многом определяли номады. Латентная «архаическая революция» (Андреев 1991: 158, 159) привела к рождению мобильной полисной цивилизации, ставшей чутким регистратором синхронных процессов во всем Средиземноморье. В 647/48 гг. в Северо-Западное Причерноморье выводятся колонии Борисфен (Виноградов, Марченко 1991: 148), и видимо, в то же время Истрия (Алексеев 1992: 59; Вахтина 1993: 53), через полстолетия основывается Одессос (Hänsel 1974: 210). И когда в конце VII века в орбиту скифского влияния втягиваются продолжатели «басарабских» традиций Южного Прикарпатья, носители культуры Бырсешты-Фериджиле, какая-то часть этой культуры перемещается в Добруджу. Там возникают некрополи Добриня и Крыгулево. Они попадают в зону активного эллинистического влияния, о чем свидетельствует массовое появление в Добрине и в Равне греческой сероглиняной гончарной керамики, ставшей прототипом для начала местного гончарного производства (Alexandrescu 1977).

Видимо, во второй половине VI века происходит смена керамических стилей в Южной Добрудже, возникает горизонт Равна II. Появляется культура исторических гетов. К концу этого столетия в лесостепной и отчасти в степной Бессарабии отмечается новая волна номадов (Суручены, Коржово, Дубоссары, Огородное), а также продвижения каких-то групп населения из района скифов-агафирсов (культура Чиумбруд).

Следы этого продвижения — находки акинаков в Восточном Прикарпатье, погребения Чимбала и Трестиана.

Вторжение Мадия аукнулось в регионе спустя более чем столетие ответной акцией персов. Около 514/512 гг. до н.э. войско Дария направляется в Скифию. Не доходя до Истра, Дарий покоряет гетов и включает их в свое войско.

Конфликт дестабилизировал обстановку. Толчок. И как в калейдоскопе, картина изменилась. Уже для начала V века мы можем точно зафиксировать проникновение гетов к северу от Дуная (горизонт Пыржолтены-Данчены-Олонешты). Геты, будучи включены в войско Дария, оказались вовлечены не просто в военные действия, а прежде всего в передвижения по относительно пустынной территории. Их культура на короткое время оказалась в условиях высокой мобильности, оказалась способной преодолеть комплекс освященного и освоенного пространства и выйти за его пределы. В этом движении за Дунай в культуру гетов влились, вероятно, и все те культурные группы, которые существовали в Молдове и Бессарабии. Возникает синкретичная, однозначно этнически неопределяемая культурная ситуация. Но тенденция набирает ход. На середину V века приходится начало завоевательной политики одрисских царей. Одним из результатов ее стала экспансия одрисов в район Нижнего Подунавья и превращение гетов в подданных царя Фракии Ситалка, в участников его военных авантюр. Вполне вероятно, что именно эта экспансионистская политика одрисов заставила гетов активнее переселяться на другой берег Истра.

Судя по небольшому количеству скифских погребений V века в Буджаке, скифы вряд ли могли оказать серьезным препятствием для продвижения гетов. Освоение региона и скифами, и гетами шло параллельно, обе культуры занимали разные «экологические ниши». Скифы расселялись в степи, геты — преимущественно в лесостепной Кодровой зоне Бессарабии, на плато Бырлад в Молдове, в Южном Прикарпатье и Олтении. Пользуясь терминологией В. С. Бочкарева, можно сказать, что в результате всех этих событий к началу IV века сформировался четкий, археологически уловимый скифо-гетский блок культур. К этому времени образовавшиеся культуры скифов и гетов необратимо утрачивают ту культурную неупорядоченность, в силу которой так трудно было различить их погребения в предшествующее время, степная Скифия утрачивает лесостепную, а культура гетов — вариативность и разнообразие гальштатских традиций. Дискретный типологический контур обеих культур, ограничивавшихся взаимодействием только в пограничных областях, открывал эпоху детерминированной траектории этих культур, открывал эпоху установившейся власти традиции, эпоху равновесия и последующего почти синхронного исчезновения обеих культур к востоку от Карпат.

III. «Жизнь без гетов». Трибаллы — фигура умолчания

Геты не упоминаются на территории Карпато-Дунайских земель вплоть до 30-х гг. IV века до н.э. И можно было бы смириться с этим фактом и сосредоточиться исключительно на материалах археологических, если бы истории региона не существовало бы без истории гетов. А она существовала. Были греки, скифы, фракийцы. Миры продолжали свой культурный диалог. Правда, за прошедшее время изменились не-

сколько его принципы. Пересечение миров фокусировалось на иных народах, историческая активность которых несколько «заслонила» «самых честных и мужественных среди фракийцев», делая их всего лишь «немыми» соучастниками диалога. Но ведь соучастниками! И тогда реконструкция этой самой истории будет не чем иным, как косвенной реконструкцией истории гетов.

1. Первый поход Александра Македонского

В 335 г. до н.э. ранней весной новый царь Македонии — Александр выступает в свой первый поход. Еще впереди переправа на малоазийский берег, сражение у Граника, покорение Персии. Пока Александр решает навести порядок у себя в тылу. «...Он считал, что, отправившись в дальний путь от дома, не следует оставлять у себя за спиной соседей, которые до конца не усмирены», — пишет Арриан Флавий, пересказывая мемуары Птолемея Лага, непосредственного участника событий (I, 1, 4). Труд Птолемея до нас не дошел, но ссылки на него, связанные с обстоятельствами войны с трибаллами, есть и у Страбона, и у Арриана. Но, в отличие от Страбона, Арриан более полно пересказал перипетии экспедиции Александра к Дунаю.

Перипетии сводятся к следующему. Вышел Александр из Амфиополя. Перейдя реку Несс (современная Места), он на десятый день дошел до горы Гем. Здесь произошло его первое удачное сражение с так называемыми «независимыми» фракийцами. Захваченных в плен Александр поручает Филоте и Лисанию доставить в приморские города. После этого он переходит Гем и вторгается в земли трибаллов.

Сначала Александр подошел к реке Лигину (не идентифицирована), которая отстояла от Дуная в трех днях пути. При поддержке конницы, управляемой Филотой, Александр выигрывает битву с трибаллами у Лигины. Царь трибаллов — Сирм укрывается на одном из дунайских островов. Арриан сообщает название острова — это Певка (I, 2, 1). Спустя три дня после битвы у Лигины Александр подошел к Истру. Там его ждали пять судов из Византия. Посадив на них лучников, македонский царь решил высадиться на Певку. Но ему не удалось найти подходящего места для высадки. Всюду его подстерегали трибаллы, готовые сразиться, а кроме того, мешало сильное течение реки. Тогда Александр решается форсировать Дунай и напасть на гетов, живущих на другом берегу. Геты выставили около четырех тысяч всадников и более десяти тысяч пехотинцев. Но Александр ночью переправляется через реку, используя плоты и византийские корабли. Геты не ожидали столь дерзкого нападения. Сначала они бросились в

свой город, отстоящий от Дуная примерно на парасангу (5,5 км), но затем оставили плохо укрепленное укрытие и устремились в пустынные степи. Александр захватил город, разрушил его и, принеся жертву спасителю Зевсу, Гераклу и самому Истру, еще засветло привел всех в лагерь целыми и невредимыми.

После этого в лагерь Александра стали прибывать посольства от самых разных народов, обитавших возле Истра. Здесь же был заключен союз с Сирмом. Трибаллы были покорены.

Так, но с еще большим количеством деталей, описывает поход Арриан. В более лаконичной форме дается изложение событий Страбона. Из его цитирования труда Птолемея мы узнаем, что геты, жившие на северном берегу Истра, были подчинены трибаллам и входили в их царство (VII, 3, 8), что жили трибаллы вплоть до самого устья Дуная, до острова Певки и на нем (VII, 3, 8). О последнем, казалось бы, пишет и Арриан, но значение дополнительного сообщения Страбона чрезвычайно велико.

Отчего?

Да оттого, что согласно сложившейся историографической традиции считается, что никогда царство трибаллов не достигало устья Дуная, что под Певкой — островом, известным всей античной традиции в устье Дуная, следует понимать какой-нибудь иной остров на реке, примерно в средней части его нижнего течения (Pârvan 1926: 46; Daicoviciu 1972: 91); что Александр переходил Дунай не в районе нынешней Исачки (район Тулчи), а вблизи пункта Зимнича в нижнем течении Олта. Вблизи Зимничи было обнаружено крупное гетское городище. Его-то и брал, по представлению многих авторитетных исследователей, Александр (Pârvan 1926: 46; Moscalu 1983: 205).

Эта точка зрения покоится на достаточно серьезных аргументах. Главным из них является представление о границах трибаллов на период, предшествующий походу Александра Македонского. Геродот в «Мельпомене» упоминает трибалльскую равнину, где пересекаются реки Ангр и Бронг (Морава с притоками) (IV, 49). Фукидид сообщает более подробные сведения о земле трибаллов. Она находилась к северо-за-

паду от царства одрисов периода правления Ситалка, на границе с землями треров и тилатеев (II, 96, 4). То есть пределы их территории в середине — последней четверти V столетия

находились где-то между землями фракийских и иллирийских племен. Стефан Византийский (по: Vulpe 1970: 208) и Аппиан (X, I, 2) вообще относили трибаллов к иллирийцам.

2. Археологическая Трибаллика. Всем известная версия.

Упомянутая фрако-иллирийская двойственность была отождествлена впоследствии с рядом археологических памятников, известных в настоящее время под названием Врацкой группы (район болгарского города Враца / Враца) (Vulpe 1970: 198; Nicolov, Mashov, Ivanov 1988: 109). Для этой группы характерен исходный фрако-иллирийский культурный синкретизм (Vulpe 1970: 197). В IV веке эта группа представлена исключительно погребальными сооружениями. Они отличаются необыкновенным обилием вещей из драгоценных металлов, своеобразием устройства погребальной камеры и самим обрядом захоронения.

Одним из наиболее ярких сооружений этого типа является гробница у г. Враца. Она была сооружена под курганом и, в сущности, представляла из себя три усыпальницы, располагавшиеся одна над другой. Каждая из них содержала по несколько мужских и женских погребений. Судя по вещам (кубкам, кнемидам, золотому венку, фиалам), сопровождающих погребенных, это была гробница каких-то трибалльских князьков, а может быть, и фамильный склеп самого правящего рода (Николов 1967; Венедиков 1966; 1975). К погребениям из Врацы мы еще вернемся, а пока стоит задаться некоторыми вопросами, которые возникают при чтении текста Арриана.

3. Загадки похода Александра

Например, непонятно: почему царь трибаллов Сирм подчиняется Александру не после поражения у Лигины, а после разгрома гетского города на северном берегу Дуная? Из текста видно, что геты не оказывали поддержки Сирму, они были готовы защищать только себя. Сирм не переправлялся на северный берег Дуная и не искал у них защиты, а Александр не стал брать остров теми силами, которыми вдруг отважился форсировать Дунай. Складывается впечатление, что сам Сирм Александра беспокоил мало.

Но вот геты покорены, и в лагерь Александра прибывают различные посольства, в том числе и Сирм с дарами. Конечно же, можно было бы не принимать всерьез этот факт и отнести его к тем бесчисленным загадкам, разгадать которые нам не дано. Но эта загадка — не единственное «темное» место в тексте Арриана.

После победы над «независимыми фракийцами» Александр отправляет Филоту с добычей в приморские города. Но уже в битве при Лигине Филота — активный участник сражения. Если все эти события происходили в трех днях пути от Дуная, в средней части его нижнего течения (район впадения реки Искры), то Филоте пришлось бы проделать огромный путь туда и обратно. Он вряд ли бы успел к сражению. Далее, после разгрома македонянами гетского города

геты со всем своим имуществом ушли в пустынные степи. Что это за пустынные степи? Где их можно локализовать убедительнее всего?

Последние две загадки поддаются решению, если согласиться с Птолемеем Лагом в том, что остров, который он видел собственными глазами, на котором укрылся Сирм, был той самой Певкой, которая всегда была известна в устье Дуная (Polaschek 1938: 1382-1390), а не каким-нибудь иным островом. О том, что именно Птолемей писал о Певке, что это не домысел его последующих верификаторов, говорит то, что два автора — Страбон и Арриан, независимо друг от друга, повторили эту информацию.

В таком случае Филота мог достаточно оперативно избавиться от добычи в Каллатисе, Одессосе или в той же Истрии, находящейся от Восточных Балкан на расстоянии дневного перехода. Тогда Гем — это вовсе не обязательно Шипкинский перевал, а именно Восточные Балканы. Тогда пустынные степи — это не что иное, как «гетская пустыня» Страбона, лежащая против острова Певка. И, наконец, гетским городом, атакованным македонскими фалангами, будет уже не Зимница, а, на выбор, два мощных гетских городища, стоящих от Дуная на полпарасанги (у Арриана «примерно на парасангу») — Новосельское или Орловка (Бруяко, Кожокару 1990: 142).

4. Археологическая культура царства трибаллов

Но чтобы ответить на вопрос о том, почему трибаллы подчиняются Александру после покорения гетов, необходимо более аргументированно рассмотреть возможность столь «невозможного» на первый взгляд расширения к востоку

царства трибаллов. При этом напрашивается вопрос о возможности археологической идентификации трибаллов во всех пределах этого царства. Но, приступая к поиску таких археологических свидетельств, все же следует иметь в

виду, что речь, вероятно, должна идти об археологических признаках не столько массовой культуры этого народа, сколько о признаках его господства (Ткачиус 1996). Область поисков задана от впадения Моравы в Дунай («трибалльская равнина», район «Железных ворот») «до острова Певки, на нем, а затем до области за Истром, занятой гетами» (Страбон VII, 3, 8).

Если открыть последнюю книжку И. Т. Никулицэ (1987), то на 126 странице мы столкнемся с очень интересной картой. На ней отмечено распространение предметов так называемого фракийского искусства. Петря Александреску посчитал возможным рассмотрение этой серии предметов в качестве самобытной «северо-балканской группы» (Alexandrescu 1983; 1984). Все они, без исключения, укладываются в отмеченную область поисков археологических признаков господства трибаллов, тяготея к самому руслу Нижнего Дуная (см. карты по: Alexandrescu 1983: fig. 1; Hoddinot 1989: 92, fig. 5b) Причем вещи отличаются поразительным сходством стилистики. Самые западные из них — шлем, кубок, свастикообразные бляхи из клада у Железных ворот (Berciu 1969: 89) — почти идентичны самым восточным, обнаруженным в царском погребении у с. Аджигиол (район Тулчи) (Berciu 1969: 41). При этом между ними находятся пункты Перету и Коцофенешть с взаимоманалогичными шлемами (Moscalu 1989), а также клад из Летницы (Venedicov 1965). Антропоморфный наколенник из того же наиболее восточного пункта — Аджигиола находит единственную аналогию в гробнице трибалльской знати у г. Врака. Изображение всадника на одной из блях Летницы, голень которого защищена наколенником типа Врацкого и Аджигиольского, является связующим звеном между двумя находками (Маразов 1986: 88). Кубки из района Железных ворот весьма близки тем, что обнаружены в Рогозенском кладе и в Аджигиоле (Nicolov, Mashov, Ivanov 1988).

Но если перейти от самих вещей к контексту, в котором они обнаружены, то окажется, что

в Аджигиоле и во Врацкой усыпальнице, несмотря на некоторое отличие погребальных сооружений, очень близок обряд погребения: труположение в сопровождении коней (три во Враце и Аджигиоле). Оба кургана несколько различаются по датам. Врацкий датируется между 380 и 350 гг. (Венедиков 1975), а Аджигиол, после его передатировки Петрей Александреску, датируется теперь первой половиной IV века (Alexandrescu 1983: 48). Рассматривая хронологию всей «северо-балканской группы» кладов и погребений врацкого типа, Александреску приходит к заключению, что большинство датируемых вещей из этих комплексов укладывается в интервал от середины IV до начала III века до н.э. (Alexandrescu 1983: 48).

Курган у Аджигиола считается погребением гетским (Berciu 1969: 33), но упомянутые аналогии помещают его в четкий контур традиции, к гетам отношения не имеющей. Подобное сходство между всеми упомянутыми памятниками не может быть случайностью. За ним не прослеживается длительного становления единого обряда захоронения на всей указанной территории. Мы видим расширение на восток субкультуры одной царской династии.

Интересно отметить, что контекст обнаружения вещей на северном берегу Дуная существенным образом отличается и от Врацкого кургана, и от Аджигиола. Здесь нет подобных погребальных комплексов. Единственным близким оказывается погребение в Перету (Moscalu 1989: 131-189). Во всех остальных случаях находки предметов так называемого фракийского искусства являются случайными и происходят из кладов (Berciu 1969: 89, 123).

Исходя из этого наблюдения, складывается любопытная картина, в деталях совпадающая с той, что приводится Страбоном. До Певки и на нем (от Врацкой группы до Аджигиола) идет область царства трибаллов, а на северном берегу Истра идут земли гетов. Там подобных погребений нет, но туда проникают отдельные вещи, попадающие уже в иной культурный контекст.

5. От Бронга до Певки. Событийная реконструкция.

Если предложенная выше археологическая ситуация действительно отражает результат продвижения трибаллов к устью Дуная, то мы вправе задаться вопросом о причинах такого продвижения. Необходимо попытаться выяснить историческую обстановку, благоприятствующую ему.

Первое упоминание о трибаллах принадлежит Фукидиду. Оно посвящено событиям 424 г. до н.э. Царь фракийского племени одрисов — Ситалк гибнет в сражении с трибаллами (IV, 101, 5).

Ситалка по праву можно признать основателем огромного фракийского государства, занимающего всю северо-восточную часть Балкан. Говоря о размерах державы одрисов, Фукидид

полагает, что она простиралась вдоль морского побережья от города Абдер до Евксинского Понта, «именно до реки Истра» (II, 97). Действительно, к 30-м годам V века восточные границы одрисов вплотную подошли к границам Скифии. Это ясно вытекает из уже цитированного фрагмента о гетах, подчиненных Ситалку, живших «по сю сторону Истра» и бывших соседями скифов. Можно утверждать, что в последней четверти V века над гетами была надстроена определенная вертикаль этно-классов. К югу от Дуная — одрисы, к северу — скифы.

Но власть одрисов над гетами, о которой столь однозначно пишет Фукидид, была не вечна. Ситалк гибнет, и гибнет от рук трибаллов. И

этот факт можно считать отправным пунктом экспансии трибаллов из Среднего Подунавья. Но в отличие от миграционных волн, которые исходили из этого региона в период раннего и среднего Гальштата, это была, прежде всего, экспансия власти. Ситалка на одрисском престоле сменяет его преемник Севт I, известный тем, что предельно повысил дань с греческих городов (Невская 1953: 34-38). Затем Севт умирает, и во Фракии на рубеже IV-III вв. наступает своеобразное смутное время. Из-под власти одрисских царей освобождается одно фракийское племя за другим, наследники Севта поглощены борьбой за престол, стимулируя этой борьбой хаос центробежного развития (Златковская 1971: 221-224).

Таким ослаблением трибаллы не могли не воспользоваться и не расширить пределы своего царства (Данов 1968: 106). Мы обладаем только данными о результатах такого расширения, сам же процесс пока неуловим. Косвенно его подтверждает известный рейд трибаллов в количестве 30 тысяч человек, включая стариков, женщин и детей, через всю Фракию до Абдер (Данов 1968: 386). Произошло это в период правления Котиса I, то есть примерно в 80-70 гг. IV века. Масштабность похода указывает на то, что трибаллы в это время были способны к переселениям. Следствием этих операций и стал их выход к устью Дуная. Продвижение по долине этой реки, как по периферии одрисского царства, охваченного смутой, было наиболее естественным развитием событий.

Но в таком случае получается, что в руках трибаллов оказались два важнейших стратегических пункта: переправа у «Железных ворот» и нижнедунайская переправа, расположенная у Исакии и Орловки. Значение последней трудно переоценить. Еще в 512 году до н.э. Дарий чуть не оказался в западне, когда скифы почти убедили ионийских греков разрушить понтонный мост из кораблей и, таким образом, отрезать Дарию путь к отступлению из Скифии. Но прошло уже более столетия со времен похода Дария, и скифы, их царство усилились настолько, что они сами стали угрозой для Балкан. Проникновению их в эти земли мог препятствовать только надежный «дунайский замок» (Бруяко, Гизер 1990: 120). Так или иначе, но к середине IV века ключ от этого замка находился в руках у трибаллов. И к этому заключению приводит не только погребение у Аджигиола и свидетельства Арриана со Страбоном. Известно (было отмечено выше), что когда Атей решил прорваться в северные Балканы, на нижнем Дунае ему пришлось вести войну не только с царем загадочных истриан, но и с трибаллами.

Власть скифов времен Атея к югу от Дуная, в Добрудже была недолговечна. Уже в 339 году скифы терпят поражение от Филиппа Македонского. На этом, вероятно, завершается период абсолютного политического господства скифов

в Подунавье, но переправа не оказалась в руках у македонян. Результат их победы над скифами был перехвачен трибаллами, которые нападают на возвращающееся в Македонию войско Филиппа. Можно предположить, что переправа опять переходит в руки трибаллов. И тут проясняются истинные мотивы похода Александра к Дунаю.

Готовясь к реализации грандиозного плана — общегреческого похода на восток, Александр не просто не мог оставить у себя в тылу неуслышанных противников, он не мог оставить противников, обладающих таким важным стратегическим пунктом, как переправа, способная в любой момент вновь пропустить «орды» скифов на Балканы. Поэтому война с трибаллами, их покорение во многом для Александра связывались с возможностью создания некоего южнодунайского плацдарма против скифов. Упоминание о том, что план похода против трибаллов предусматривал именно такую цель, можно найти у Плутарха, который пишет, что Александр «разбил иллирийцев и угрожал племенам соседних скифов, задумавших восстание» (I, 3). Действительно, разгром иллирийцев, под которыми следует понимать трибаллов, оказался серьезной угрозой для скифов. Уже через четыре года после войны с трибаллами в Скифию вторгается македонское войско под предводительством Зопириона.

Трудно сказать, являлось ли вторжение македонян в Скифию частью общего замысла покорения Азии. Ясно лишь одно — ближайшей целью Александра была переправа. Именно поэтому он направляет свои силы не на захват Певки, а на разгром подвластных трибаллам гетов, на уничтожение их города, являвшегося форпостом на северном берегу дунайской переправы. Как только город был взят, Сирм капитулирует и заключает союз с Александром. Остатки этого города, как уже говорилось выше, можно видеть в двух городищах — Орловке или Новосельском. Исследователи этих памятников, в частности И. В. Бруяко, уже давно высказываются о том, что оба городища контролировали дунайскую переправу (Бруяко, Гизер 1990: 120). Представленная историческая реконструкция позволяет вписать их в достаточно яркий событийный контекст, который, в свою очередь, может быть дополнен уже новыми данными раскопок на городищах.

Трудно оценить с ходу историографические последствия данной реконструкции. Она, безусловно, нуждается в критике и детализации. Но некоторые перспективы становятся очевидными и искушают дальнейшими исследованиями в этом направлении.

Во-первых, локализация трибаллов в низовьях Дуная перемещает сюда и место их столкновения со скифами, а скифов с истрианами, в которых уже без труда можно разглядеть известных среднедунайских соседей трибаллов —

истров, упомянутых среди народов Иллирии Аппианом. Не исключено, что в орбиту движения трибаллов к устью Дуная могли попасть и более мелкие племенные группы, к каковым истриане, безусловно, относились.

Во-вторых, трибалльская атрибуция вещей Северо-Балканской группы заставляет по-другому оценить значение подобных находок в погребениях скифской знати (серия уздечных наборов из Огуза, Краснокутского кургана, Козла, Хоминой Могилы, Чмыревой Могилы и др.). Эти вещи, названные А. И. Мелюковой скифо-фракийскими, являются безусловно «трибалльскими», относящимися к Северо-Балканской группе по П. Александреску. Е. Е. Фиалко полагает, что эти уздечные наборы были сделаны фракийскими мастерами по заказу скифов с учетом их вкусов и преподнесены в дар (Фиалко 1994: 209). Но в этой ситуации логично предположить, что были преподнесены в дар не уздечные наборы, а лошади вместе с уздечными наборами. И поводом для подобного дарения могла стать ситуация замирения скифов — следствие неудачной войны трибаллов со скифами Атея. В таком случае в облике вещей этой серии из погребений скифской знати мы сталкиваемся как с дополнительным хроноиндикатором, отбывающим дату от 350 до 339 гг. до н.э., так и с возможным индикатором более четкой локализации самой державы Атея (по захоронениям участников скифо-трибалльской войны). Хотя

последний вывод не совсем корректен, поскольку заставляет включить в границы Атеева царства и Мастоюгинские курганы, содержащие вещи Северо-Балканской серии (Манцевич 1959: 315-333), географическая удаленность которых от границ царства Атея кажется сама собой разумеющейся. Расширение ареала Атеева царства, безусловно, приходит в противоречие с современными взглядами на его масштабы (Алексеев 1987), но не исключает и компромиссных вариантов интерпретации.

В любом случае, трибалльская страница в истории Северных Балкан пока только начинает проступать среди тяжелых и неподъемных томов гето-центристской литературы. Названные Страбоном *наиболее могущественным племенем из фракийцев* (VII, 5, 6), а Аппианом *племенем, процветавшим до Филиппа и Александра* (X, 1, 3), трибаллы стали одной из основных фигур умолчания в региональной истории. Спорная этническая атрибуция, спорная территория (между современными Румынией, Югославией и Болгарией) распространения трибалльских древностей сделали их неуместными этно-культурными персонажами. Безусловно, трибаллы нуждаются в определенной реабилитации. Случай с ними очень напоминает историографическую тяжбу по поводу роли и значения в истории Гетики еще одного народа-изгоя — бастарнов, а вместе с ними историю еще одного, почти неизвестного хронологического разрыва.

IV. От гетов к дакам

1. Три загадки Помпея Трога

Безусловно, что Эпитома Помпея Трога, дошедшая до нас в сокращенной версии Юстина, содержит немало темных мест, неясностей, с трудом поддающихся пониманию. Загадок, естественно, не три, а намного больше. Непосредственное внимание привлекает уже упомянутый пассаж о столкновении даков, возглавляемых Оролом, с бастарнами, о наказании, к которому были приговорены даки (XXXII, 3, 16).

Загадка первая. Где и когда произошло столкновение даков, «потомков гетов» (или же «молодой ветви гетов») с бастарнами? Ведь, кроме пассажа VII, 3, 13 «Географии» Страбона, это единственное дошедшее свидетельство о столкновении бастарнов с местным населением Карпато-Дунайского региона. Датировка этого столкновения и его локализация поэтому приобретают чрезвычайную важность в представлении о том, какой могла быть этнокультурная ситуация в регионе после вторжения бастарнов.

Загадка вторая. Упоминание Помпея Трога является, кроме того, единственным источником, в котором даки упомянуты как потомки гетов. Поэтому важно установить время, когда

даки воспринимались именно в такой хронологической зависимости, установить те реалии, которые скрывались за этой зависимостью. Ведь есть источники, для которых различие между даками и гетами сводится к различию исключительно пространственному (см. уже упоминаемый фрагмент из Страбона: VII, 3, 14), или к различию, порожденному только двумя нарративными традициями — греческой и римской. Вторая называла даками тех, кто для первой, греческой традиции, был гетами (Страбон VII, 3, 14).

Загадка третья. Что это за наказание — «ложась спать, класть голову на место ног, прислуживать своим женам, как до того жены прислуживали им»? Ливиу Франга считает, что в этой фразе как бы закодирована информация о символической смерти этноса. Структура символической смерти во фрагменте Трога—Юстина, согласно Франге, просматривается в триаде: военное поражение (*degradation militaire*) (инверсия); мужская деградация (*degradation virile*); оккультация и эпифания (некоторый сценарий смерти) (Franga 1992: 162).

Каким же может быть полный археологический ответ на эти вопросы?

2. Геты или бастарны?

В 1970 году в «*Memoria Antiquitatis*» вышла статья «Даки и бастарны». Это была одна из самых ранних и, несомненно, удачных работ Мирчи Бабеша. За прошедшую четверть века она во многом утратила свою свежесть, но проблемы, поставленные в ней, актуальны до сих пор. М. Бабеш тогда задался достаточно неожиданным вопросом — о взаимоотношении носителей поянешть-лукашевской культуры с местным, «гето-дакийским» населением. То есть Бабеш не только не застрял на полемике с автохтонистами, полагающими, что поянешть-лукашевская культура гетамито как раз и оставлена, но пошел дальше, по пути разгадки тех проблем, которые возникают уже при исключительно миграционистском взгляде на вещи. Уже тогда, в конце 60-х, возникла явная потребность в более динамичной и многомерной картине объяснения культурных изменений в III-II вв. до н.э.

Безусловно, что потребность выхода за пределы «простых, но неправильных решений» существует всегда. Очевидно, что рассуждения типа «местная культура под неместным влиянием» либо «неместная культура с местными пережитками» равноправны в своей ущербности. Конечно же, миграционные версии всегда выглядят более импозантно и менее провинциально, нежели идеи этно-культурной непрерывности, но, концентрируясь исключительно на феномене возникновения культуры, они остаются, как правило, «континуитетом на колесах» (А. П. Городенко). То есть они оказываются столь же односторонними и полубъясняющими. Все время забывается, что проблема возникновения новой культуры — это еще и проблема исчезновения культуры предшествующей. Пока эти проблемы будут решаться порознь, от нас будет ускользать масса нюансов, из которых может проступить абсолютно неожиданная картина, палитра которой уже не ограничится возможностями черно-белого изображения. Правда, беда еще в том, что далеко не всегда удается примирить представления о том, что же является стержнем той или иной культуры, а что в ней присутствует на правах периферийного субстрата. Далеко не всегда подобная непримиримость является следствием зашоренности взгляда одной из сторон. Сама источниковедческая основа зачастую противится однозначным выводам. Поянешть-лукашевская культура как раз и является таким весьма противоречивым, органически неупорядочиваемым источником, представляющим собой сплав самых разнообразных культурных компонентов.

Первооткрыватель культуры — Раду Вулпе основные параллели ей увидел в древностях Центральной и Северной Европы. Просматривались они, прежде всего, в столовой керамике

(в черно- и желтопощеных мисках, двучастных горшках, кувшинах с подгранным, фаяцетированным венчиком и иксовидными ручками), в наборе средне- и позднелатенских фибул, поясных крючках, в погребальном обряде (Vulpe 1953; 1955). Раду Вулпе считал правомерным соотношение открытой им культуры с активностью бастарнов в Северном Причерноморье, с их миграцией в III-II вв. до н.э. из районов современных Польши и Германии (Vulpe 1955: 6-8). Более определенно исходную область миграции бастарнов обозначил Д. А. Мачинский, предположивший, что таким районом был бассейн Среднего Одера (Мачинский 1966). Р. Хакман, продемонстрировав типологическое восхождение перечисленных признаков аспектов поянешть-лукашевской культуры к культуре ясторфской, не решился атрибутировать их как бастарнские (Hachmann 1961: 117-124).

Если столовая керамика и украшения «поянештьцев» воспринимались как свидетельства их миграционного происхождения, то кухонная керамика оказывалась, по убеждению сторонников автохтонной версии, местной, «гето-дакийской» (Федоров 1960; Романовская 1962; Teodor 1967; 1969). Фракийские элементы ими распознавались в различных способах орнаментации сосудов: ручках-упорах, валиках с пальцевыми вдавлениями, пуговичных налпах, в «дакийских чашах». На этом основании Г. Б. Федоров, М. А. Романовская, а позднее и С. Теодор полагали, что поянешть-лукашевская культура принадлежала местному населению Карпато-Поднепровья, испытывавшему в материальной культуре лишь некоторое воздействие со стороны бастарнов.

Таким образом, получалось, что полемизирующие стороны фактически не оспаривали аргументов друг друга. Их трудно было оспаривать. Они были выстроены на различных материалах. Могла оспариваться только степень значимости тех или иных фактов. Предпринятая Д. А. Мачинским попытка объяснить наличие «гетских» форм на поселении Лукашевка II небрежностью стратиграфической фиксации керамики многослойного поселения ни к чему не привела (Мачинский 1966: 90), она не объясняла присутствие этих форм на остальных поселениях культуры (Романовская 1965).

Подобраться к ответу на вопрос можно было, только выяснив удельный вес выявленных культурных компонентов. Столь очевидная и необходимая работа была впервые предпринята М. Бабешем в статье «Даки и бастарны». Тщательно проанализировав кухонную керамику с поселений, Бабеш пришел к выводу, что далеко не вся она может быть отнесена к «гето-дакийским» традициям. Собственно фракоидные формы образуют периферийное явление в

керамическом комплексе культуры. Основная же масса кухонной посуды имеет то же происхождение, что и парадная посуда с фацетированными венчиками. Бабеш привел убедительные аналогии в северо-европейском Латене не только горшкам с хрупчатой (нарочито ошершавленной) поверхностью, но и налепам в виде шишечек, валикам с вдавлениями (Babeş 1970: 244). Действительно, подобное сходство демонстрирует керамика предримского времени Ютландии, на которую сослался Бабеш (Becker 1961).

Бабеш предложил далее различать поселения двух типов. К первому из них он отнес те поселения, на которых просматривается преобладание «германской» керамики (столовой и кухонной) над «гетской». Среди них оказались памятники: Боросешть, Брэхэешть, Ульма, Лукашевка, Бранешты, Лунка-Чурей. Ко второму типу относятся поселения: Бэйчень, Думбрава-Яшь, второй горизонт поселения Кукорэнь, где гето-дакийские черты преобладают, а германские составляют арифметическое меньшинство (Babeş 1970: 225-227). Немного забегаая вперед, можно отметить, что в одной из последних ра-

бот Бабеш, ссылаясь на заключение Родики Попович, решительно опроверг возможность отнесения к подобному типу поселения Борниш, исследованного С. Теодор (Teodor 1984), где «местная» керамика, изготовленная на круге, является на самом деле керамикой карпов II-III вв. н.э. (Babeş 1985: под сноской №5).

Главный вывод, к которому пришел Бабеш, заключался в том, что процесс образования культуры Поянешть-Лукашевка оказался более сложен, чем это полагали авторы автохтонной или миграционной гипотез. Гетских элементов оказалось немного, но они все же присутствуют, и это присутствие должно быть как-то объяснено.

В последующие годы изучения поянешть-лукашевских древностей таким образом формулирующийся вопрос был фактически проигран в историографии. Удивляться нечему. Реминисценции предшествующей культуры в культуре последующей — явление заурядное. Но именно исследования последующих лет и заставляют отнести к этим «реминисценциям» иначе.

3. Новые уточнения — дополнительные сложности

М. Бабеш и В. Михайлеску-Бырлиба, рассмотрев серию таких предметов, как поясные крючки, глиняные подставки для очага, гривны-короны, нашли им убедительные аналогии в междуречье Эльбы и Одера, в ареале ясторфской культуры (Babeş, Mihailescu-Bîrliaba 1970-71; Babeş 1983; 1985).

С. П. Пачкова, исследуя керамический комплекс поселения Горошова, пришла к заключению о его близости керамике Губинской группы Ясторфской культуры (Пачкова 1983; 1985). М. Б. Щукин, во многом основываясь на детальных микрохронологических разработках К. В. Каспаровой (1978; 1981), но, прежде всего, на масштабном сопоставлении археологических и исторических событий, сумел получить картину становления зарубинецкой и поянешть-лукашевской культуры, вписанную в «широкоформатное» общеевропейское полотно (Shchukin 1989; Щукин 1991; 1993; 1995). Связав эти культуры с бастарнами, он перешагнул границы проблематики этих культур и выдвинул смелую гипотезу о бастарнском вкладе в формирование исторических славян (1987; 1991; 1995).

Для М. Б. Щукина начало существования зарубинецкой и поянешть-лукашевской культур оказалось процессом, имеющим далеко идущие последствия. Отправная точка оказалась более чем корректна. Она основывалась на хронологическом hiatus между культурами бастарнов и культурами, предшествующими их вторжению в Северное Причерноморье, Поднепровье и Карпато-Днестровские земли. В. Е. Еременко, полемизируя с И. Т. Никулицэ по поводу верх-

ней даты гетской культуры Пруто-Днестровского междуречья (Никулицэ 1987), указал на недопустимость использования дат Я. Филипа для духцовских фибул и браслетов (Еременко 1990). На это же обратил внимание и Щукин (1989). Модернизация латенской хронологической системы не позволяет, согласно Щукину и Еременко, поместить эти хронологические индикаторы выше середины III века до н.э. Именно этим временем определяется финал культуры гетов. Время же сложения культуры Поянешть-Лукашевка приходится, по мнению тех же авторов, на самое завершение III века.

Временной разрыв между культурой гетов и культурой Поянешть-Лукашевка, безусловно, по иному представляет проблему их соотношения. Хиатус как бы логически запрещает видеть в «гетских» элементах поянештской культуры простой пережиток, анахронизм. Но, с другой стороны, следует вывод, что (при всей аргументированности этого разрыва) без объяснения судьбы населения, оставившего памятники IV-III вв. до н.э. между Днестром и Карпатами, проблема соотношения культур будет оставаться открытой.

Ко всем этим сложностям, следует отнести еще одну. В Карпато-Прутском регионе, в отличие от Пруто-Днестровского, ситуация хронологического разрыва между гетской и поянештской культурой не наблюдается. На городище Котнарь обнаружены фрагменты косских амфор конца III — начала II века (Teodor 1989). То есть верхний рубеж культуры гетов мог быть различным в Молдове и Бессарабии.

Наряду с исследованиями такого рода, продолжались публикации новых материалов раскопок. Среди них особенно заметными оказались результаты изучения С. П. Пачковой поселения Горошова (Тернопольская область). Главной особенностью керамики этого поселения, кроме упомянутых аналогий губинской группе, является отсутствие так называемых «гето-дакийских» черт (Пачкова 1983: 49). Пачкова пришла к заключению, что сложение этого комплекса является отражением движения бастарнов не дунайским, а днестровским путем, что именно этим обусловлена специфика памятника.

М. Б. Щукин сделал ряд хронологических уточнений относительно времени существования поселения Горошова. Основанием для датировки послужили прежде всего обломки сапоропитовых браслетов. Если Пачкова, ссылаясь на Филипа и Бенадика, датирует период их максимального бытования второй половиной II

века до н.э., то М. Б. Щукин, основываясь на узких датах распространения этих изделий, предложенных в корреляционных таблицах Буйны (Вуйна 1982), считает возможным существование поселения где-то в интервале перехода от Латена С-1b к Латену С-2, то есть в первой половине II века (Щукин 1987b).

Из этой хронологической детали вырастает целая проблема. Не является ли наличие так называемых гето-дакийских, фракоидных форм в культуре Поянешть-Лукашевка явлением хронологическим? При этом явлением, в меньшей степени связанным с самыми ранними этапами поянештской культуры? Но ведь тогда невозможно представить себе то, каким образом гетские реминисценции проникли в культуру бастарнов, не только перескочив через хронологическую лакуну, но и через целый этап (конец III — первая четверть II в.) в существовании этой культуры.

4. Фракоидные формы

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует рассмотреть поподробнее эти фракоидные формы.

Достаточно сложно отыскать какое-либо серьезное типологическое описание этих форм у приверженцев автохтонной версии. В настоящее время она высказывается в еще более упрощенном виде, нежели это происходило в период внедрения данной концепции в историографию. Так, И. Т. Никулицэ из соотношения чернолощеной («бастарнской») и груболепной («гетской») керамики приходит к выводу о процентном преобладании на поселениях коренного населения над чужеродным (Никулицэ 1987: 206), хотя за этой статистикой скрывается лишь преобладание кухонной керамики над столовой. Среди первой, безусловно, доминируют типы керамики, генетически восходящие к керамике культуры северо-европейского Латена.

Возможность убедиться в правоте подобного соотношения типов керамики была у автора при исследовании поселения Требужены (Центральная Бессарабия). В Требуженских комплексах сосуды с «хрупчатой» поверхностью, подощениями у дна и венчика, сосуды с утолщенным венчиком, вертикальными расчесами по тулову образуют основную категорию кухонной керамики (Ткачук 1991). Вместе с этим, на поселении Требужены была обнаружена керамика, которую невозможно отнести к культурам латенского круга, но которая, несмотря на ее незначительный удельный вес, образует два весьма устойчивых типа. Эти типы известны и на других поселениях культуры.

Тип первый. Это небольшие сосуды (чаще фрагменты сосудов) — горшки баночных пропорций, с вертикальным или слегка отклоненным венчиком. Стенки горшков ближе к плечикам украшены пуговичными налепами или ма-

ленькими ручками-упорами (Ткачук 1991: рис. 2/8, 9; 3/13). От лжефракоидных форм, обнаруженных Бабешем в монографии Бекера, их отличают прежде всего пропорции. Ясторфские горшки, обнаруживающие некоторое сходство в декоре с гетскими, как правило, более вытянуты, тяготея функционально к корчагам. Аналогии сосудам этого типа есть в Требуженах (Ткачук 1991: рис. 1/13), а также в Бранештах (Романовская 1965). Что же касается упомянутых сосудов баночных пропорций, орнаментированных налепами в виде шишечек и пуговиц, то внутрикультурные аналогии им образуют целую серию подобной керамики. Эти откровенно небастарнские горшки присутствуют на поселениях: Сокол (Вакуленко, Пачкова 1978: рис. 7/2, 3), Круглик (Пачкова 1977: рис. 2/4, 5, 9, 10, 12; рис. 3/9), Лукашевка II (Федоров 1960: табл. 4а/1; 4/9), Ульма (Romanovscaja 1987: des. 8/2, 3, 6, 8; 14/13), Кукорэнь (Teodor 1967: des. 2/4), Лунка-Чурей (Teodor 1967: des. 8/4; Teodor 1987: des. 11/7).

Этот тип горшка и дает, собственно, основную массу фракоидных ассоциаций, заставляя видеть в поянешть-лукашевской культуре некоторое продолжение гетских традиций. Это впечатление может усилиться после замечания об отсутствии аналогий этому типу в ясторфской культуре. Но все дело в том, что этот тип керамики существенным образом отличается и от керамики гетской. В фундаментальном монографическом исследовании гетской керамики, принадлежащем Е. Москалу (Moscalu 1983), мы не найдем убедительных аналогий этому типу. Основное отличие его от гетских горшков в отсутствии крупных упоров, место которых занято пуговичными налепами, а также различие в пропорциях. Подобные невысокие, банковидные горшки с отклоненным венчиком в гетской куль-

туре IV-III вв. до н.э. неизвестны.

Что же получается? Фракоидные формы не находят фракийских прототипов?

Прототипы отыщутся, если обратиться к не менее фундаментальному труду И. Г. Кришана, посвященному керамике предримского времени Трансильвании. Окажется, что этот тип горшка поянешть-лукашевской культуры является одной из ведущих форм в керамическом комплексе дакийской культуры Трансильвании II-I вв. до н.э. (Crişan 1969: Pl. LXXII, LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI; см. также: Macrea, Flocă, Lupu, Berciu 1968: des. 46, 51). Особенно большую серию непосредственных аналогий дают материалы исследованного в Трансильвании поселения Арпашу де Сус (Macrea, Glodariu 1976: des. 15/10, 11, 12; 19/2, 14; 44/10).

Вторым типом керамики, восходящим к этому же кругу аналогий, являются «дакийские чаши», фрагменты которых известны на всех вышеуказанных поселениях, а среди не указанных — на поселении Ботошань (Teodor 1980). Отсутствие и этого типа в культуре гетов IV-III вв. до н.э. заставляет радикально изменить отношению к так называемому «гетскому» наследию как источнику некоторых фракоидных традиций в культуре Поянешть-Лукашевка.

5. Три вопроса по следам культурной катастрофы

Мы достаточно далеко отделились от первых трех загадок-вопросов. Теперь, чтобы вернуться к ним, необходимо ответить на три других вопроса. Вопрос первый — причина исчезновения в середине III века до н.э. гетской культуры Пруто-Днестровья и судьба населения. Вопрос второй — причины исчезновения и судьба населения Карпато-Прутского региона, оставившего такие памятники, как городище Котнарь. Вопрос третий — обстоятельства внедрения в культуру бастарнов дакийских черт.

Как обычно, к ответу можно приблизиться, если попытаться выйти за узко-региональные границы и провести ряд историко-археологических сопоставлений. Прежде всего, с двумя регионами — Нижним Поднепровьем (и Крымом) и Трансильванией. Именно в этих взаимоудаленных областях неожиданно проявляются результаты культурной катастрофы, происшедшей в Карпато-Днестровских землях в III- II вв. до н.э.

Нижнее Поднепровье и Крым. На рубеже IV-III вв. до н.э. под ударами сарматов гибнет Великая Скифия (Мачинский 1971). Исчезают царские курганы скифов, исчезают могильники рядового населения. В начале III века гибнет крупнейшее поселение степняков на восточном рубеже Скифии — Елизаветовское городище (Виноградов, Марченко 1991: 153). И на фоне этого катастрофического процесса наблюдается совершенно противоположная картина. В Нижнем Поднепровье и в Крыму возникают так называемые «позднескифские городища» (По-

О том, что речь идет не о наследии, свидетельствует нижняя дата появления обоих типов керамики. Весьма удачно зафиксировано их сочетание в одном комплексе с кельтской графитированной керамикой и фрагментом клейменной родосской амфоры (поселение Скела Кладовей, землянка №1, район Турну Северин, см.: Boroneant, Davidescu 1968: 254-256, des. 1, 2). Клеймо преота Калликратида, известного также по материалам пергамского комплекса, датируется авторами раскопок в интервале 220-180 гг. (Boroneant, Davidescu 1968: 254). То есть достоверное присутствие банковидных горшков и чаш в дакийской культуре прослеживается примерно с рубежа III-II вв. до н.э. Но в таком случае оказывается, что фракоидные формы проникают в культуру бастарнов не из предшествующей, а из синхронно существующей культуры. На это обстоятельство косвенно указывают материалы поселения Горошова. Ранняя дата поселения, быть может, свидетельствует о том, что таких дакийских типов у «поянештцев» просто еще не было в первой четверти II века. Следовательно, где-то после этого периода и произошло внедрение в керамический комплекс культуры Поянешть-Лукашевка дакийских элементов.

гребова 1958; Вязьмитина 1969). Их нижняя дата (городища Гавриловское, Знаменское, Золотая Балка) пока не имеет общепринятых контуров. Хотя Н. Е. Берлизов попытался внести некоторую ясность в этот вопрос. По его наблюдениям, нижнеднепровские городища существовали как бы в два этапа. Начало первого из них приходится на III век (Берлизов 1991: 211). Этому периоду в существовании городищ Берлизов не находит синхронных погребальных комплексов. Они возникают в облике катакомбных, грунтовых могильников где-то в середине I века до н.э. (Берлизов 1991: 211). В это же время происходит разрушение городищ, а затем их повторное использование, начиная с рубежа эр.

Н. Е. Берлизов выдвинул смелую гипотезу о том, что появление погребальных комплексов в середине I в. до н.э. не связано с эволюцией местной, скифской традиции, а является проявлением западного варианта аланской культуры. Именно носители этой культуры приняли участие в разрушении Нижнеднепровских городищ, а потом в их повторном использовании.

Если Н. Е. Берлизов прав, то окажется, что скифскими нижнеднепровские городища были только до середины I века до н.э. Но и это утверждение может быть несколько поспешным. Во-первых, возникновение малых городищ — явление весьма неожиданное для культуры номадов. Во-вторых, оказывается, что скифы становятся изобретателями новой культурной традиции в условиях культурной катастрофы.

А. Н. Щеглов, прослеживая сходное становление позднескифской культуры в Крыму, полагает, что такого рода новации необъяснимы только с позиций внутреннего развития скифской культуры. Он пишет: «В топографии городищ и фортификации, планировочной структуре и типах жилищ и общественных построек, наконец, в технике строительства сочетаются, с одной стороны, упрощенные греческие элементы, а с другой — не греческие, но и не скифские. Строители крепостей, жилых и общественных построек из камня должны были обладать определенной строительной традицией, присущей не кочевому, но оседлому населению» (Щеглов 1998: 150). Щеглов подчеркивает, что уже в начальном периоде, около середины II в. до н.э. варварское население Крыма было по преимуществу земледельческим, а не кочевническим («с сохранением признаков кочевого/полукочевого быта»), о чем свидетельствует, по его мнению, «внедрение в севооборот голозерных пшениц и винограда, то есть культур, типичных для греческого земледелия, но совершенно не характерных для степной (в том числе крымской) и лесостепной Скифии предшествующего времени» (Щеглов 1998: 150).

Можно было бы пофилософствовать по этому поводу и поискать то или иное объяснение наблюдаемому, если бы не одно обстоятельство. Культура Нижнеднепровских городищ и Крыма, прежде всего, керамика демонстрирует достаточно большое отклонение от классического облика скифских древностей. Это отклонение выражается в присутствии гетских форм и орнаментальных мотивов в керамическом комплексе городищ.

Гетские аналогии позднескифской керамике приводились еще Н. Н. Погребовой (1958). Отдельную статью им посвятила М. И. Вязьмитина (1969). Количественное соотношение этих форм с остальными типами керамики определить достаточно сложно. Но интересно то, что «негетские» формы также зачастую не оказываются скифскими. Они представлены уже знакомыми нам типами поянешть-лукашевских мисок с подгранными венчиками (Вязьмитина 1969: 127).

Складывается впечатление, что в облике культуры нижнеднепровских городищ мы сталкиваемся с затайливым переплетением утерянных гетских керамических и архитектурных традиций с традициями скифской культуры и элементами каких-то латенизированных культурных групп. И это затайливое переплетение очень удачно заполняет отмеченный хронологический hiatus между гетской и поянешть-лукашевской культурой Пруто-Днестровья. Правда, заполняет оно его в регионе Нижнего Поднепровья и отчасти Крыма. Отсюда вытекает два вопроса. Каким образом гетская культурная традиция проникла в Нижнее Поднепровье и Крым? Какого рода контрагент латенского происхождения вступил во взаи-

модействие со скифами и гетами?

Трансильвания. Здесь в конце первой четверти II века до н.э. возникает новая культура — дакийская. Наиболее ранними дакийскими памятниками Трансильвании можно считать пункты: Сигишоара (Horedt, Seraphin 1971), Арлашу де Сус (Macrea, Glodariu 1976), Мойград (Macrea, Russu 1960), Морешть (Horedt 1965). Но из этих памятников самыми надежными данными для определения нижней даты культуры обладает поселение Морешть, где была зафиксирована фибула среднелатенской схемы, относящаяся, по убеждению З. Возняка, еще к фазе Латена C-1 (Wozniak 1974). Именно эта группа памятников и сменила в Трансильвании существовавшую еще с Латена B-2а кельтскую культуру.

Но, по убеждению некоторых исследователей, речь идет не о смене кельтской культуры дакийской, а о постепенном превращении дако-кельтской культуры в дакийскую. Происходило это путем сложных мутаций, в результате которых даки все-таки переварили существовавший в их культуре с середины IV века кельтский компонент (Crişan 1971: 554; Zirra 1975: 49).

Такой взгляд на латенскую культуру Трансильвании и на процесс ее смены подвергался обоснованной критике. Зенон Возняк указал на отсутствие преемственности между латенскими древностями Трансильвании и предшествующей фрако-иллиро-скифской культуры Сентеш-Векерзуг-Хотин (Wozniak 1974: 68-60). Фракоидные элементы, имеющиеся в кельтских древностях Трансильвании, не определяют облик культуры и носят «спорадический характер» (Wozniak 1974: 68-60).

Таким образом, получается, что на рубеже фаз C-1/C-2 в Трансильвании происходит смена культур. Кельтов сменяют даки. По крайней мере, в фазе C-2 кельтов в Трансильвании уже нет (Vujna 1982; Shchukin 1989: 80-81). Абсолютные даты этого процесса определить достаточно сложно. Дендродаты, приводимые Х. Поленцем и А. Мироном, различны. Это, соответственно, 185-170 гг. до н.э. или 190 гг. (Об этом см.: Babeş 1988: 23).

Так или иначе, но этот процесс синхронен появлению в поянештской культуре дакийских черт. Этот процесс оказывается столь же синхронен противоположному явлению — появлению поянешть-лукашевской керамики в керамике даков Трансильвании. Проникновение поянештской культуры в дакийскую можно проследить на самых ранних памятниках. И. Т. Никулицэ, правда, пишет, что «следы пребывания бастарнов в Карпатской котловине не обнаружены», что «до сих пор в этом районе не известны памятники поянешть-лукашевского облика, содержащие бастарнский материал» (Никулицэ 1987: 231). Приходится только сожалеть по поводу столь категоричного заявления. Еще в 1965 году Куртом Хоредтом были опубликованы материалы посе-

ления Морешть, на котором были обнаружены многочисленные фрагменты мисок с фацетированными венчиками так называемого лукашевского типа (Horedt 1965: Abb 9-10). С поянештской культурой можно связать лепной горшок из Мойград (Macrea, Russu 1960: 213, abb. 11), украшенный типичным пшеворским орнаментом, аналогии которому есть и в Губинской группе, в частности, в Любошицком могильнике (Domanski 1975: табл. XX/e).

Но, кроме этих классических проявлений бастарнской культуры в Трансильвании, можно отметить и проявление ее влияния на складывание керамического стиля дакийской культуры. Поверхность сосудов «украшается» беспорядочными расчесами и прорезными линиями. Такую стилистику в оформлении тулова мы не найдем в культурах IV-III вв. до н.э. в Карпато-Дунайском регионе. Зато она очень близка поянештской.

Таким образом, параллельно появлению

дакийских элементов в культуре Поянешть-Лукашевка, в Трансильвании происходил процесс противоположный. Можно предположить, что мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же единого во времени процесса. Но развернулся он уже после того, как произошло становление обеих культур.

Время образования дакийской культуры можно сопоставить с прекращением функционирования городища Котнар в Молдове, гетской культуры в Пруто-Карпатской зоне. Возник предположил, что именно носители этой культурной группы, вытесненные в конце III века бастарнами, в свою очередь вытеснили кельтов из Трансильвании, заложив таким образом основы дакийской культуры (Wozniak 1974: 64). Трудно решить, исходя из имеющихся данных, кто кого вытеснил, но пришлый для Трансильвании характер культуры даков указывает на то, что события могли развиваться примерно в таком направлении.

6. Маятник миграций и «молодая ветвь гетов»

Если задаться вопросом о причинах катастрофы Гетики, то стоит обратить внимание на то, что, в отличие от VI-V вв., в IV-III вв. до н.э. Карпато-Днестровский регион — это область наивысшей концентрации памятников гетской культуры. Их здесь более 250, что составляет, по подсчетам И. Т. Никулицэ, 2/3 от их общего числа (Никулицэ 1987: 84). При такой статистике мы вправе говорить о перенаселенности земель, занятых гетами. Причем решить проблему избыточного населения геты не могли на протяжении всего IV века. На западе этому препятствовали Карпаты, за которыми находились кельты, только вошедшие во вкус своей «исторической экспансии». На востоке и юге таким непроходимым барьером были скифы. Противостояние с последними отразилось в системе городищ, оконтуривающих всю восточную и юго-восточную периферию Гетики (Мелюкова 1969). Все это закладывало предпосылки последующего взрыва, спонтанной миграции, а не постепенного расширения ареала культуры.

И вот — в конце IV века Скифия гибнет. Несчастный случай в облике сарматского вторжения разрушил внезапно всю сложившуюся структуру привычных культурных оппозиций. Маятник трансформационных процессов начал раскачиваться. Это был именно маятник — движение с неограниченным выбором перемещений, миграций, выходов из катастрофических состояний. Качнувшись с востока на запад, движение маятника изменений обрело большую амплитуду. Именно поэтому не удивительны явления культурной рокировки, встречных миграционных волн. Скифы уходят в Крым и Добруджу. Геты Пруто-Днестровья начинают перемещаться в восточном направлении, по излюбленному

маршруту фрако-балканских племен (Марченко 1974; 1988). «Герметичность» Гетики на востоке нарушается, и необходим лишь внешний толчок, чтобы развернулись далеко идущие культурогенетические реакции.

Не исключено, что такой «механический», внешний фактор действительно сыграл определенную роль в истории гетов. Если согласиться с К. К. Марченко и М. Б. Щукиным в том, что информация декрета в честь Протогена об угрозе Ольвии со стороны скиров и галатов относится не к рубежу III-II вв. (Книпович 1966; Карышковский 1968; 1971), а отражает события, происшедшие в интервале 70-20 гг. III века (Щукин 1991: 11; 1993: 93; Марченко 1985), то именно скиро-галаты могли оказаться таким «провоцирующим» внешним фактором. Наблюдения М. Б. Щукина по хронологии кельтских находок в Молдове (фибула из Калфы, клад у Бубуечь) (Чеботаренко, Щербаква, Щукин 1987), выводящих на указанные даты, некоторые новые материалы (шлем типа Монтефортино A/B (Бруяко, Росохатский 1993) свидетельствуют в пользу этого предположения.

Вероятнее всего, скиры и галаты не только сдвинули в восточном направлении ареал Пруто-Днестровской Гетики, но и возглавили это продвижение в Нижнее Поднепровье и Крым. В результате именно такого развития событий могла сложиться столь синкретичная и типологически неустойчивая гето-латено-скифская культура нижнеднепровских городищ (Ткачук 1992; Тсасіус 1994; Ткачук 1995; 1997; Бруяко, Ткачук 1994). А. Н. Щеглов, поддерживая эту гипотезу, предлагает включить в число несомненных аргументов миграции части гетов на восток, в Нижнее Поднепровье и Крым, Карпато-

Днестровские аналогии позднекифским городищам (Щеглов 1998: 151).

В отличие от традиционно-катастрофической Пруто-Днестровской Гетики, Гетика Прикарпатская или Пруто-Карпатская могла дожить до прихода бастарнов. Быть может, что именно этих гетов вытесняли бастарны с одного берега Дуная на другой (Страбон VII, 3, 13). Быть может, именно эти геты перемещались под натиском бастарнов в Трансильванию. М. Б. Щукин предполагает, что кельтов из Трансильвании вытеснили бастарны периода их походов во главе с Клондиком в Македонию (Shchukin 1989: 80-81). Но, выдвигая эту версию, М. Б. Щукин не использовал материалы поселения Морешть, включающих в себя бастарнскую керамику, правда, с преобладанием дакийской. Такой контекст заставил бы привлечь к трансильванским событиям еще и пришедших даков. Ис-

тория с Клондиком-Клойлием, три раза мелькнувшим в письменных источниках в качестве то предводителя бастарнов, то «галльского царька», то предводителя гетов, очень красноречиво иллюстрирует прослеженную ситуацию. Бастарно-дакийские отношения, отразившиеся археологически в появлении к западу от Карпат нового керамического стиля (горшки с прорезными линиями, расчесами по тулову), а к востоку — в проникновении в поянештскую культуру дакийских черт, также вписываются в эту картину. А все вместе эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что единственным регионом, в котором могло произойти столкновение даков — потомков гетов с бастарнами, единственным регионом, в котором геты превратились в даков, является Трансильвания. Возможный интервал событий: 179-168 гг. до н.э.

7. Смена культур или сакральная катастрофа?

Изучение смены культур, происшедшей в Трансильвании, убеждает в том, насколько не случайно оказался сохраненным в юстиновском сокращении фрагмент о наказании даков. То, что произошло в конце первой четверти II века до н.э. на территории, становящейся Дакией, подводит более чем логический итог всем смысловым изменениям культуры «самых честных и мужественных среди фракийцев».

Даки — «потомки гетов», или же в иных переводах — «молодая ветвь гетов», действительно были сурово наказаны. По имеющимся археологическим уликам, у них «исчез» погребальный обряд. То есть он, конечно же, не исчез, а стал абсолютно неуловим археологическими средствами. Поселения существуют, а погребений нет (Babeş 1988: 17-22).

Нечто похожее произошло несколько позднее в Кельтике, на рубеже Латена C-2/D-1. То есть около 120-100 гг. до н.э. В период кельтской «промышленной революции», расцвета цивилизации оппидумов у кельтов «исчезает» обряд погребения. Происходит это не во всей Кельтике. Неведомая сакральная трансформация охватила области Баварии, Тюрингии, Гельвеции и отчасти Богемии (Babeş 1988: 23-29).

Бабеш видит в этих процессах просто результат какой-то религиозной реформы (Babeş 1988: 22). Иное объяснение изменению обряда у кельтов предложили В. Е. Еременко и М. Б. Щукин.

Они обратили внимание на следующий пассаж из Плиния Старшего: «В древности самым явным признаком победы считалась передача зеленого стебля. Она означала отказ от обладания землей, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле: этот обычай, как я знаю, до сих пор сохраняется у германцев» (XXII, 8). Завоевание южной части Кельтики кимврами и тевтонами, по мнению Еременко и Щукина, могло привести к тому, «что значительная часть кельтов была вынуждена отказаться от «права пользования производящей и питающей силой почвы»» (Еременко, Щукин 1992: 87). Военная активность ближайших «родственников» кимвров и тевтонов — бастарнов и последующее поражение даков Орола, вероятно, привело к сходной инверсии, за которой Ливию Франга увидел все признаки «символической смерти этноса». Изменяется эсхатологическая концепция потомков гетов. И это изменение подводит некоторый итог диалогам культурных миров скифов, фракийцев, кельтов, гетов, греков. Миров, большая часть из которых находилась в новой эпохе только лишь те или иные формы символической и реальной смерти.

В Подунавье пробирается Рим, а вместе с ним новая эпоха, для которой уже очень скоро станет добрым правилом знаменитый евангельский совет: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

Стрела времени. (Заключение)

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, как мы видим, в предложенной реконструкции для автохтонных версий развития гетской культуры места не остается. С другой стороны, места предостаточно, если исходный пространственный масштаб анализа проблемы будет несколько шире современных государственных границ, а динамичные и естественные перемещения внутри этого пространства будут признаны столь же естественными, как разгуливания по комнатам собственной квартиры. То есть сторонники автохтонной идеологии будут становиться тем более правыми, чем большую часть суши они будут в силах признавать родной.

Во-вторых, наблюдается достаточно точное совпадение данных письменных и вещественных источников. Но подобное совпадение стало очевидным только при поликультурном взгляде на региональную историю, только при самом общем взгляде на культурное развитие, исключая этноцентристские реконструкции. Для Гетика это совпадение выразилось в том, что основной очаг формирования культуры исторических гетов начала VI-V вв. до н.э. находился к югу от Дуная, в районе Добруджи; в том, что первые памятники гетской культуры появились к северу от Дуная не раньше конца VI века, а массовое заселение гетами Карпато-Днестровских земель приходится на конец V века; в том, что где-то в середине III века до н.э. карпато-днестровская Гетика гибнет; в том, что даки — это действительно «потомки гетов» или же «молодая ветвь» карпато-днестровских гетов, в том, что они *приходят, мигрируют* в Трансильванию в конце первой четверти II века до н.э., а не продолжают там жить с эпохи Бронзы.

В-третьих, прослеженные этнокультурные ситуации демонстрируют совсем иную эмпирическую закономерность в развитии культур региона, совсем иную модель процесса, чем та, которая предлагается автохтонистами. В этой модели без труда наглядно проступает своеобразная «стрела времени», стрела культурного старения, диагностический индикатор способности культур к длительному выживанию либо, наоборот, к гибели, к катастрофе. Мы видим, как *от этнической и культурной неопределенности, «барочного» разнообразия* (группы: Пыржолтены-Данчены-Олонешты, Бырсешты-Фериджиле) *гетская культура эволюционировала к четкому, узнаваемому контуру*. В процессе этой эволюции становящаяся Гетика потеряла почти весь потенциал разнообразия VII-VI вв. В керамике это видно достаточно наглядно. К IV веку в археологической культуре гетов уже не отыскать следов влияния керамических традиций скифов и иллирийцев. И именно на этой стадии абсолютной узнаваемости гетская куль-

тура Карпато-Поднепровья исчезает. И, спустя половину столетия, вновь воссоздалось состояние определенной неупорядоченности, некоторого хаоса, этнической размытости признаков. Это состояние охватило огромные территории. Достаточно привести примеры «бастарнизированной» дакийской культуры, культуры Полянешть-Лукашевка, культуры «позднескифских» городищ Нижнего Поднепровья и Крыма. Вновь формируется совершенно новая культурная ситуация. В очередной неупорядоченности складывались уже другие культуры, другие народы. В это время формировалась уже новая Гетика. О ней заговорят только в I веке до н.э. Эта Гетика — Гетика-рецидив, это Гетика Буребисты.

Из рассмотренных реконструкций напрашивается простой вывод: *чем культура разнообразней по своим исходным слагаемым, тем выше ее потенциал, тем устойчивей ее последующее развитие. С другой стороны, чем она уравновешенней и стерильней, тем менее завидна ее недалекая судьба*. Потеря исходного культурного разнообразия, развитие в сторону униформизации — это и есть упомянутая «стрела времени». Именно она вызывает инстинктивное раздражение всех тех, для кого культурное разнообразие, хронологические и типологические разрывы — либо следствие плохой изученности проблемы (материала), либо признак злостной научной фальсификации. С автохтонистской точки зрения, разнообразие культур, этнонимов, культурных ситуаций, форм перемещения в пространстве — это все то, что должно быть отброшено как некая помеха, информационный шум. Это все то, что может быть, с их точки зрения, без сожалений потеряно.

В свою очередь, изменение ситуации в сторону актуализации такого «информационного шума», признание за ним статуса объекта культурного наследия также приводит к некоторым потерям, а не к одним лишь радостным обретениям. К такого рода потерям, в известном смысле, приводит и предложенная реконструкция.

Какую же Гетику «мы потеряли»?

Та Гетика, «которую мы потеряли», была хронологически аморфна. У нее не было ни начала, ни конца. Ее пространства населяли какие-то вечные, бессмертные, а значит, неживые гето-даки. В потерянной Гетике с трудом находилось место лишь для скифов, и то на правах агрессивных завоевателей, с которыми приходилось считаться в древние времена и с курганами которых приходится считаться в нынешнее время. Эта вязкая и абсурдная Гетика потеряна. Между ней и культурой современного археологического исследования вырастает лагуна непонимания, а хронологический разрыв начинается отсчет с любой археологической эпохи.

В той Гетике, которую мы приобретаем, наряду со скифами, возникают новые персонажи: трибаллы, кельты, бастарны. Причем все они возникают не на правах статистов исторической сцены Карпато-Подунавья или случайных прохожих по коридору между Карпатами и Черным морем. Скифы, трибаллы, кельты и бастарны видоизменяют облик Гетики, изменяют направ-

ление ее развития в самых радикальных точках. Они же «задают» новые вопросы, на которые только предстоит ответить. Эти вопросы-проблемы перекидывают своеобразные смысловые «мостики» от исчезнувшей Гетики в будущее, в настоящее. Благодаря им новая Гетика открыта для диалога. Остается только его продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю. 1987. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ, Вып. 28.
- Алексеев А. Ю. 1992. Скифская хроника. Санкт-Петербург.
- Андреев Ю. В. 1991. Археологическая культура в контексте реального исторического процесса // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.
- Андрух С. И. Чернов С. И. 1990. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // СА, №2.
- Андрух С. И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. Запорожье.
- Антипенко Е. О. 1992. Скифские курганы на Нижнем Днестре // Археологический вестник. Запорожье, №3.
- Берлизов Н. Е. 1991. О соотношении позднескифских городищ и катакомбных могильников Нижнего Днестра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Кишинев.
- Бобчева Л. 1975. Тракийски некрополи при селата Крыгулево и Черна, Толбухински окръг // ИНМВ, XI XXVI.
- Борзьяк И. А., Манзура И. В., Левицкий О. Г. 1983. Коржевские курганы // АИМ в 1979 — 1980 гг. Кишинев.
- Бруяко И. В., Кожокару В. А. 1990. Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетии до н.э. // АИМУМ. Кишинев.
- Бруяко И. В., Гизер С. Н. 1990. Фракийская керамика из раскопок городища Новосельское — II на Нижнем Дунае // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса-Запорожье.
- Бруяко И. В., Росохатский А. А. 1993. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ, №7.
- Бруяко И. В., Ткачук М. Е. 1994. Бессарабия VII-I вв. до н.э. Цикл кросскультурных диалогов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТДК., Запорожье.
- Бужор Э. 1958. О гето-дакийской культуре в Муригиоле // Dacia, II. București.
- Вакуленко Л. В., Пачкова С. П. 1979. О культурной принадлежности поселения позднелатенского времени у с. Сокол // Славяне и Русь. Киев.
- Вахтина М. Ю. 1993. К вопросу о влиянии демографической ситуации на становление и развитие греко-варварских связей в различных районах Северо-Западного Причерноморья // ПАВ, №6.
- Венедиков И. 1966. Новооткрыто тракийского могилно погребение във Враца // Археология, VIII, №1.
- Венедиков И. 1975. Съкровището от Враца. София.
- Венедиков И., Фол А. 1970. Мегалитите в Тракия. София.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА, №1.
- Вязьмитина М. И. 1969. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра // Древнейшие фракийцы в Северном Причерноморье. МИА, Вып. 150.
- Грацианская Л. И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Данов Х. 1968. Древна Тракия. София.
- Демченко Т. Левицкий О. Г. 1990. К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии // АИМУМ. Кишинев.
- Дергачев В. А. 1979. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА, №3.
- Еременко В. Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1990.
- Еременко В. Е., Щукин М. Б. 1992. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург.
- Златковская Т. Д. 1971. Возникновение государства у фракийцев. М.
- Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. 1969. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов // МИА, вып. 150.
- Зуев В. Ю. 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII-VI вв. до Р. Хр. // ПАВ, №6.
- Карышковский П. О. 1968. До питання про дату ольвийского декрету в честь Протогену // Археологія, т. 21.
- Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. Древний город Тира. Киев.
- Каспарова К. В. 1978. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ, вып. 18.
- Каспарова К. В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА, №2.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л. 1987. Скифские курганы в Дубоссарском районе // Молдавское Поднепростровье в первобытную эпоху. Кишинев.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л. 1990. Исследование скифского кургана 21 у г. Дубоссары // АИМ в 1985 г. Кишинев.
- Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург.
- Книпович Т. Н. 1966. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ, №2.
- Лапушнян В. Л. 1979. Ранние фракийцы X — начала

- IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев.
- Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. 1974. Памятники раннего железного века // АКМ №4.
- Латышев В. В. 1993. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Санкт-Петербург.
- Левицкий О. Г. Демченко Т. И. 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма.
- Марченко К. К. 1974. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII-I вв. н.э. // ВДИ, №2.
- Марченко К. К. 1975. Ойкеты декрета в честь Протогена IosPE, I-2, 32. К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси.
- Марченко К. К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII-первой половине I в. до н.э. Л.
- Марченко К. К. Вахтина М. Ю. 1997. «Древняя Скифия» и Северное Причерноморье // HYPERBOREUS. Studia classica / Vol. 3. Petropoli.
- Мачинский Д. А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д. А. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, вып. 13.
- Медведская И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА, №3.
- Мелюкова А. И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Поднестровья // МИА, Вып. 64.
- Мелюкова А. И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // МИА, Вып. 150.
- Мелюкова А. И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Миков В. 1943. Происхождение на надгробные могилы в България // Годишник на народния музей. София, кн. VII.
- Мирчев М. 1962. Раннотракийский могилен некропол при с. Равна // ИАИ, XXV.
- Мирчев М. 1965. Тракийский могилен некропол при с. Добриня // ИНМВ, 1/XVI.
- Москалу Е. 1991. Некоторые аспекты скифской проблемы в северной и южной Фракии в VI — V вв. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Кишинев.
- Николов Б. 1967. Гробница III от Могиланската могила във Враца // Археология, IX.
- Никулицэ И. Т. 1973. Погребальный обряд гетов в IV-III вв. н.э. // СА, №2.
- Никулицэ И. Т. 1977. Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев.
- Никулицэ И. Т. 1985. Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне // АИМ в 1981. Кишинев.
- Никулицэ И. Т. 1987. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. . Кишинев.
- Никулицэ И. Т. 1991. Исследование археологических памятников на скальном мысу у с. Бутучень // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Кишинев.
- Пачкова С. П. 1977. Поселения поблизу с. Круглик на Буковині // Археология, №23.
- Пачкова С. П. 1983. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.
- Пачкова С. П. 1985. Культура Поянешты-Лукашевка // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.
- Погребова Н. Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // М., вып. 64
- Погребова Н. Н., Раевский Д. С. 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.
- Редина Е. Ф. 1989. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей, Поднестровья и Подунавья // Археологические памятники Поднестровья и Подунавья. Киев.
- Романовская М. А. 1962. Селище Лукашевка II // СА, №2.
- Романовская М. А. 1965. Раскопки в Бранештах в 1962 г. // КСИА, вып. 102.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Сальников А. Г. 1961. Раскопки поселений IV-III вв. до н.э. у с. Пивденное в 1961 г. // КСОГАМ. Одесса.
- Сальников А. Г. 1963. Здание «А» на поселении у с. Пивденное // КСОГАМ. Одесса.
- Сергеев Г. П. 1960. Скифский кинжал из Олонештского района МССР // ЗОАО. Одесса. Том I 31.
- Серова Н. Л. 1984. Греческая керамическая тара из курганов Молдавии // АИМ в 1984 г. Кишинев.
- Смирнов Г. Д. 1949а. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Ученые записки ИИЯЛ, т. II. Кишинев.
- Смирнов Г. Д. 1949б. Скифское городище и селище «Большая Сахарна» // КСИИМК, вып. XXVI.
- Смирнов Г. Д. 1954. Археологические исследования Старого Орхея // КСИА, вып. 54.
- Смирнова Г. И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА, №1.
- Страбон. 1964. «География» в 17 книгах. Л.
- Субботин Л. В., Островерхов А. О., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев.
- Субботин Л. В., Шмаглий Н. М. 1970. Курганы у села Огородное // МАСП, вып. 6.
- Ткачук М. Е. 1991а. Континуитет и стадильность. Некоторые альтернативы идее этно-культурной непрерывности // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев.
- Ткачук М. Е. 1991б. Новые данные к исследованию памятников типа Поянешты-Лукашевка по материалам Старого Орхея. // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев.
- Ткачук М. Е. 1995. Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VII-II вв. до н.э. // Автореф. канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Ткачук М. Е. 1996а. Тень трибаллов. Из антологии хронологических разрывов. // История, экономика, культура молдаван к востоку от Прута. Кишинев.
- Ткачук М. Е. 1996б. Контактная зона и этнокультурная идентичность // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. ТДК — Санкт-Петербург .
- Ткачук М. Е. 1997. Nerusskaja идея // Стратум. Структуры и катастрофы. Санкт-Петербург.
- Ткачук М. Е. 1998. Гетика. Археология имени // Revista arheologica. Nr 2. Chişinău
- Федоров Г. Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА, вып. 89.

- Фиалко Е. Е. 1994. Еще раз о происхождении уздечных украшений скифо-фракийского типа // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь.
- Хахеу В. П. 1987. Предварительные данные о раскопках на гетском поселении у с. Алчедары // Актуальные проблемы археологических исследований. Киев.
- Хахеу В. П. 1990. Исследование скифских курганов у г. Тирасполя // АИМУМ. Кишинев.
- Хохоровский Я. 1991. Восточные влияния на территории Средней Европы в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Кишинев.
- Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. Ф., Щукин М. Б. 1987. Два предмета латенской и римской эпохи в Молдавии // СА, №4.
- Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. 1989. Курганы буджакской степи. Кишинев.
- Щеглов А. Н. 1998. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму. К проблеме происхождения. // Проблемы археологии. Вып. 4. Санкт-Петербург.
- Щукин М. Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Л., вып. 2.
- Щукин М. Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян: Перспективы третьего пути // АСГЭ, №28.
- Щукин М. Б. 1989. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Щукин М. Б. 1991а. Проблема «пробелов» в археологии Молдавии эпохи Латена и римского времени // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Кишинев.
- Щукин М. Б. 1991б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени. К методике историко-археологического сопоставления. // АСГЭ, вып. 31.
- Щукин М. Б. 1991с. Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры // Автореф. дисс. докт. ист. наук. Л.
- Щукин М. Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения пояншты-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ, №6.
- Щукин М. Б. 1995. На рубеже эр. Санкт-Петербург.
- Элиаде М. 1991. От Залмоксиса до Чингисхана // Кодры. Кишинев. №7.
- Alexandrescu A. 1980. La necropole gete de Zimnicea // Dacia, XXIV.
- Alexandrescu P. 1974. Un art thraco-gete // Dacia, XIII.
- Alexandrescu P. 1976. Pour une chronologie des VI-IVe siècles // Thraco-Dacia, I.
- Alexandrescu P. 1977. Les modeles grecs de la céramique thraces tournées // Dacia, XXI.
- Alexandrescu P. 1983. Les groupes de trésors thraces du Nord de Balkans // Dacia, XXVII.
- Alexandrescu P. 1984. Les groupes de trésors thraces du Nord de Balkans // Dacia, XXVIII.
- Babeş M. 1970. Dacii și bastarnii // Memoria Antiquitatis, II.
- Babeş M., Mihalescu-Bîrliba V. 1970-71. Germanische latenezeitliche «Fouerboke» aus der Moldova // 51-52. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.
- Babeş M. 1983. Paftele latene din sud-estul Europei // SCIVA, t. 34, N3.
- Babeş M. 1985. Date arheologice și istorice privind partea de Nord-Est a Daciei în ultimele secole inaintea erei noastre // SCIVA, t. 36, N3.
- Babeş M. 1988. Descoperirile funerare și semnificatia lor în contextul cultii geto-dace clasice // SCIVA, t. 39, N1.
- Barfield L. 1971. Northern Italy before Rome. London.
- Bazarciuc V. 1980. Cetatea geto-daca de la Bunești, Dealul Bobului // Materiale și Cercetări Arheologice. Tulcea.
- Bazarciuc V. 1983. Cetatea geto-dacică de la Bunești, jud. Vaslui // SCIVA, t. 34, N3.
- Becker C. J. 1961. Forromersk jernalder i Sud-og Midjytländ. København.
- Berciu D., Preda C. 1961. Săpăturile de la Tarverde // MCA, VII.
- Berciu D. 1969. Arta traco-getică // Biblioteca de arheologie. București.
- Boroneant V., Davidescu M. 1968. Doua bordeiele dacice la Schela Cladovei, Turnu Severin // Apulum, VIII/1.
- Bujna J. 1982. Spiegelung der Sozialstruktur auf latenezeitlichen Graberfeldern im Karpatenbecken // Památky archeologicke, LXXIII.
- Bujor E. 1955. Săpăturile de la Murigiol // SCIV, t. VI NN3, 4.
- Bujor E. 1957. Săpăturile de salvare de la Murigiol // Materiale și cercetării arheologice, III.
- Bujor E. 1959. Săpăturile de salvare de la Murigiol // Materiale și cercetării arheologice, V.
- Buzdugan C. 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României // Cercetării arheologice. t. 11, N4.
- Capitanu V. 1968. Un mormînt Hallstattian, descoperit la Cimbala // Carpica, I.
- Capitanu V. 1984a. O spadă de tip akinakes descoperită la Gaiceana, jud. Bacău // Carpica, XVI.
- Capitanu V. 1984b. Fibule de tip Latene descoperite în așezarea de tip «dava» de la Răcățău // Carpica, XVI.
- Capitanu V. 1987. Ceramica geto-dacică de la Răcățău // Carpica, XVIII-XIX.
- Chochorowski J. 1984. Die Vekerzug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie // Acta Archaeologica Carpatica, t. 23.
- Chochorowski J. 1987. Rola Sigynnóv Herodota w środowisku kulturowym wcześniej żelaza na nizinie Węgieńskiej // Przegląd Archeologiczny, vol. 34.
- Crîșan I. H. 1969. Ceramica geto-dacica cu speciala privire la Transilvania. București.
- Crîșan I. H. 1973. Așa numitul mormînt de la Selivaș și problema celui mai veche grup celtic din Transilvania // Sargeta. Acta musei Devencis. X. Deva.
- Crîșan I. H. 1977. Burebista, și epoca sa. București.
- Daicovicu C. 1969. Dacii din munti Orăștie și începutului statului sclavagist dac // Dacica. Cluj.
- Daicovicu H. 1972. Dacia de la Burebista la cucerirea romană. Cluj.
- Domanski G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p. n. e. Ossolineum.
- Florescu A. C., Melinte G. 1968. Cetatea traco-getică din a două jumătate a mil. I î. e. n. de la Moșna jud. Iași. // SCIV, t. XIX, N1.
- Florescu A. C., Rața S. 1969. Complexul de cetăți traco-getice sec. VI-III î. e. n. de la Sfîncești-Botoșana // Studii și materiale. Suceava.
- Fol A., Nicolov B., Mashov S., Ivanov P. 1988. The thracian treasure from Rogozen, Bulgaria. Sofia.
- Fologary G. 1960. San Zeno nella Anania. Civiltà del ferro. Bologna.
- Franga L. 1992. Les daces et la «mort symbolique». À propos d'un fragment de Justin. // Symposia thracologica, N9.
- Frey O. H. 1960. Die Entstehung der Situlenkunst. Berlin.
- Hachmann R. 1961. Die Chronologie der Jüngerer

- Vorrömische Eisenzeit // 41. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960. Frankfurt.
- Hachmann R., Kossak G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster.
- Hansel B. 1974. Zur Chronologie der 7. bis 5. Jahrhunderts v. Chr. in Hinterland von Odessos an der westlichen Schwarzmeerküste // PZ, Band 49.
- Hoddinott R. 1989. Rogozen and Thracian Religion: the Indo-European Factor // The Rogozen Treasure. British Museum Publications.
- Horedt K. 1965. Mittlatenzeitliche Siedlungen aus Sieberbürgen // Studien aus Alteuropa: teil II. Böhlau-Verlag. Köln-Graz.
- Horedt K., Seraphin C. 1971. Die prähistorische Ansiedlung auf dem Wietenberg bei Sighișoara-Schasburg. Bonn.
- Ignat M. 1976. Découvertes du Hallstatt thrace dans le département Suceava // Thraco-Dacica. I.
- Irimia M. 1968. Cimitirele de incenerație geto-dacice de la Bugeac-Ostrov // Pontice. Constanța.
- Irimia M. 1992. Descoperiri noi în necropola getica de la Bugeac, jud. Constanța // MCA. București.
- Kukoc S. 1987. Histarsca stela u kontekstu srodnih zapadnojadranskih spomenica // Arheoloska istrazivanja u Istru i Hrvatscom Primorju. Pula.
- Levitchi O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace carpato-dnistrien a l'époque du Hallstatt // Symposia Thracologica. N9.
- Levițki O. 1996. Considerations sur les monuments funéraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie // Der Basarabi-Complex in Mittel- und Smdosteuroopa. Bukarest.
- Lucke W., Frey O. H. 1962. Die situla in Providens. Berlin.
- Macrea M., Russu M. 1960. Der dakische Friedhof von Porolissum // Dacia, IV.
- Macrea M., Floca O., Lupu N., Berciu D. 1968. Cetății dacice din sudul Transilvaniei. București.
- Macrea M., Glodariu I. 1976. Așezarea dacică de la Arpasu de sus. București.
- Mihailescu-Bîrliba V. 1976. The Akinakai of Moldavia. A new discovery // Thraco-Dacica. I.
- Morinț S. 1957. Săpăturile de la Bîrsești // MCA, III.
- Morinț S. 1961. Săpăturile de la Bîrsești // MCA, VI.
- Morinț S. 1962. Săpăturile de la Bîrsești // MCA, VII.
- Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getică. București.
- Moscalu E. 1989. Das thraco-getische Fürstengrab von Peretu in Rumänien // Bericht der römisch-germanischen Kommission. Band 70.
- Palada V. 1976. Un mormînt scitic la Rediu-Vaslui // SCIVA, t. 27, N1.
- Palada V., Ciuca N. 1972. Noi descoperiri scitice în județul Vaslui // SCIV, t. 23, N2.
- Pârvan V. 1926. Getica. București.
- Polaschec E. 1938. Peuce // Paulys Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft, Stuttgart.
- Porada E. 1963. Iran Ancien. Paris.
- Preda K. 1972. Tariverde — așezare baștinașă sau «factorie» histriană? // Pontica, V.
- Romanovscaja M. A. 1987. Așezarea de la Ulmu // Arheologia Moldovei, XI.
- Shchukin M. B. 1989. Rome and barbarians in Central and Eastern Europe. 1-st century B. C. — 1-st century A. D. // BAR 542 I-II. Oxford.
- Simion G. 1974. Quelques remarques sur la civilisation gétiqque des centres et forteresses autochtones de la Dobroudja à la fin du Hallstatt et au commencement du La Tène // Colloque — Mostar.
- Simion G. 1976. Gétes de la Dobroudja septentrionale VI-I-er ss. // Thraco-Dacica. București.
- Simion G. 1992. Geții de la Dunărea de Jos și civilizația lor. // Probleme actuale ale istoriei naționale și universale. Chișinău.
- Strang D. E. 1964. A greek silver Head-Vase // British Museum Quarterly, XXVIII, N3-4.
- Tcaciuc M. E. 1992. Beginning of Dacia // Simposia Thracologica. No 9. București
- Tcaciuc M. E. 1994. Manifestările culturale din sec. V-I A. Chr. // Thraco-Dacica, XV, 1-2, 1994, București.
- Tkaciuc M. E. 1996. Du faciès culturel de la dynastie royale de Triballes au Bas-Danube aux V-e — IV-e siècles av. J. C. // The Thracian world at the crossroads oa civilisations. Bucharest.
- Teodor S. 1967. Contribuții la cunoașterea ceramicii din secolele III-II în e. n. din Moldova // SCIV, t. 18, N1.
- Teodor S. 1969. Așezarea din sec. III-II î. e. n. de la Șorogari // Arheologia Moldovei, VI.
- Teodor S. 1980. Așezarea de epoca Latene de la Botoșana, jud. Suceava // SCIVA, t. 31, N2.
- Teodor S. 1987. Cercetările arheologice de la Ciurea, jud. Iași // Arheologia Moldovei, XI.
- Teodor S. 1989. Civilizația geto-dacică la Est de Carpați considerații topografice // Simposia Tracologica. Tulcea. N7.
- Vasiliev V. 1980. Sciții-agatirși pe teritoriul României. Cluj-Napoca.
- Venedicov I. 1965. Les trésors d'art des terres bulgares. Sofia.
- Vulpe A. 1965. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien Die Basarabi-Kultur. // Dacia, IX.
- Vulpe A. 1967. Necropola hallstattiana de la Ferigile. București.
- Vulpe A. 1970. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. in Donau-Karpatenraum // Memoria Antiquitatis, II.
- Vulpe A. 1977. Zur Chronologie der Feridgile-gruppe // Dacia, XXI.
- Vulpe R. 1952. Șantierul Poiana // SCIV, III.
- Vulpe R. 1953. Săpăturile de la Poienești din 1949 // Materiale și cercetări arheologice privind istoria veche a RPR. București. vol. I.
- Vulpe R. 1955. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie // Nouvelles études d'histoire. Bucarest. I.
- Wozniak Z. 1974. Wschodnie Pogranicze kultury latenskiej. Ossolineum.
- Zirra V. 1975. Influence des Geto-Daces et leurs voisins sur l'habitat celtique de Transylvanie // Alba Regia. Szekesfehervar. XIV.